475669 р
4751

Н. К. Кульманъ.

БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
Самар. Губ. Уч. Зав.
1942 г.

РУКОПИСИ

В. А. ЖУКОВСКАГО,

ХРАНЯЩІЯСЯ ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ГР. А. А. и А. А. БОБРИНСКИХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

475669
403

475669

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578 Тир. 50000. Тип. КуАИ

Инв. 6625.
4751.

К. К. Кульманъ.

091
К90

РУКОПИСИ

В. А. ЖУКОВСКАГО,

ХРАНЯЩІЯСЯ ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ГР. А. А. и А. А. БОБРИНСКИХЪ.

Куйбышевская
№ 478669
Обл. Библиотека

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1901 года.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. V (1900), кн. 4, стран. 1075 — 1145.

БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО
Смол. Губ.

Рукописи В. А. Жуковскаго,

хранящіяся въ библіотекѣ гр. Александра Алексѣевича и Алексѣя Александровича Бобринскихъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ гр. Алексѣй Александровичъ Бобринскій, а затѣмъ и отецъ его, гр. Александръ Алексѣевичъ, любезно разрѣшили мнѣ ознакомиться съ принадлежащими имъ рукописями В. А. Жуковскаго. Бѣглаго обзора было достаточно, чтобы признать ихъ цѣнными: въ нихъ я нашелъ нѣсколько ненапечатанныхъ еще стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ и, кромѣ того, варіанты произведеній, извѣстныхъ въ печати. Рукописи эти перешли къ гр. Александру Алексѣевичу отъ его матери, Софіи Александровны, урожденной гр. Самойловой, съ которой Жуковскій, какъ извѣстно, находился въ большой дружбѣ и личность которой вполнѣ заслуживаетъ вниманія. Припомнимъ слова, сказанныя о ней кн. П. А. Вяземскимъ: она «была женщина рѣдкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности.... Есть женщины, которыя «какъ лиліи, не трудятся, не прядутъ», но просто красуются и благоухаютъ. Этой прелестью въ высшей степени обладала гр. Бобринская. Ей равно покорялись мужчины и женщины. Она была кроткой, миловидной, плѣнительной наружности. Въ глазахъ и улыбкѣ ея были чувство, мысль и доброжелательная привѣтливость. Ясный,

свѣжій, совершенно женскій умъ ея былъ развитъ и освѣщенъ необыкновенной образованностью. Европейскія литературы были ей знакомы, не исключая и русской. Жуковскій, встрѣтившій ее еще у двора императрицы Маріи Ѳеодоровны, при которой была она фрейлиной, узналъ ее, оцѣнилъ, воспѣвалъ и остался съ нею навсегда въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ. Императрица Александра Ѳеодоровна угадала ее по сочувствію и сблизилась съ нею...., часто съ нею видалась и вела постоянную переписку.... Графиня мало показывалась въ многолюдныхъ обществахъ. Она среди общества, среди столицъ, жила какою-то отдѣльною жизнью, домашнею, келейною; занималась воспитаніемъ сыновей своихъ, чтеніемъ, умственной дѣятельностью; она, такъ сказать, издали и заочно слѣдила за движеніями общественной жизни, но слѣдила съ участіемъ и проницательностью. Салонъ ея былъ ежедневно открытъ по вечерамъ. Тутъ находились немногіе, но избранные»[1]). Считаю не лишнимъ дополнить характеристику этой замѣчательной женщины нѣсколькими біографическими подробностями, которыя я заимствовалъ съ согласія гр. Александра Алексѣевича изъ составленной имъ рукописной біографіи гр. Софіи Александровны. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей могутъ имѣть значеніе при выясненіи отношеній къ ней Жуковскаго.

Гр. Софія Александровна Самойлова родилась въ Петербургѣ 4 октября 1797 года. Въ семьѣ годомъ ея рожденія считался 1799, который значится и на могильной плитѣ въ склепѣ, устроенномъ при входѣ въ церковь св. Благовѣщенія въ Петербургѣ, и только впослѣдствіи въ бумагахъ ея отца, гр. Александра Николаевича, нашлось письмо, изъ котораго ясно видно, что она родилась въ 1797 году. Въ 1810 г. послѣ домашней подготовки она поступила въ Екатерининскій институтъ, гдѣ на нее обратила вниманіе императрица Марія Ѳеодоровна. Окончивши въ 1816 г. курсъ института съ шифромъ, она была назначена фрейлиною

1) «Русскій Архивъ» 1869, б., стб. 2037—2039. Также: Кн. П. А. Вяземскій. Полное собраніе сочиненій, т. VII, стр. 223—224.

и переѣхала въ Зимній дворецъ[1]). Мать ея, Екатерина Сергѣевна, урожденная кн. Трубецкая, прекрасно понимая весь вредъ разсѣянной жизни, относилась строго къ молодой фрейлинѣ, которая никого кромѣ родныхъ не посѣщала и никуда не могла выѣхать безъ ея позволенія. Когда въ 1817 г. дворъ на продолжительное время переѣхалъ въ Москву, она не разрѣшила дочери этой поѣздки, ссылаясь на то, что шумное пребываніе въ первопрестольной прервetъ ея занятія пѣніемъ, музыкой, рисованіемъ и т. п. Весной 1818 г. Софія Александровна отправилась вмѣстѣ съ императрицей за границу[2]), откуда вернулась къ 1819 году[3]). Лѣто 1820 года Софія Александровна провела въ Павловскѣ, гдѣ ближе сошлась съ гр. Алексѣемъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ, съ которымъ была знакома и раньше, а въ концѣ ноября сдѣлалась его невѣстой. 27 апрѣля 1821 года они повѣнчались.

---

1) Въ качествѣ компаньонки при ней находилась уже немолодая дѣвица-англичанка, Рóма. Вотъ какъ характеризуетъ ихъ взаимныя отношенія гр. А. А. Бобринскій: «Дѣвица Рома скоро пріобрѣла надъ гр. Софіей Александровной такую власть, что превратилась въ строгую, сварливую гувернантку. Она взяла въ руки все хозяйство молодой фрейлины, не позволяла ей выѣзжать и принимать у себя безъ ея вѣдома и присутствія и даже отказывала въ чистыхъ перчаткахъ, если не считала этого нужнымъ. Она ворчала и бранилась съ утра до вечера, однако же любила свою воспитанницу и была ей предана. Гр. Софія Александровна переносила все это терпѣливо, хотя иногда и плакала, но впослѣдствіи сохранила къ miss Roma уваженіе и благодарность».

2) Очевидно, объ этой поѣздкѣ пишетъ А. Я. Булгаковъ П. А. Вяземскому 14 августа 1818 года: «А ѣдутъ съ императрицею Маріею Ѳеодоровной: Александръ Львовичъ Нарышкинъ для шутокъ, Альбедиль—для денегъ, Туркестанова — для ума, графиня Самойлова — для рожицы и графиня Ливенъ и Нелидова». (Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. Спб. 1899. I, стр. 113—114).

3) Къ этому году, вѣроятно, и относится знакомство съ ней Жуковскаго. Съ ея родителями онъ могъ познакомиться у гр. Анны Владиміровны Бобринской, у которой онъ часто бывалъ, и которая лѣтомъ 1819 года устраивала въ Павловскѣ много баловъ. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить нѣкоторыя записи въ дневникѣ Жуковскаго: 13 августа 1819 года: «Балъ графини Бобринской». 19 авг. «У Бобринскихъ» 27 авг. «У Самойловыхъ: пригл. въ Петерб.— voeux téméraires». 29 авг. «По утру. Альбомъ Самойлов.» 3 сентября: «Чт. V. temer.» 4 сент. «Вечеръ у Бобринск. *Разговоръ.*» 15 сент. «Къ Карамз.: одна Екатер. Андр. О Самойл.» 17 сент. «Вечеръ у Бобринскихъ». Дневникъ прерывается на 18 сент. 1819 г. (Рукописи В. А. Жуковскаго, поступившія въ Имп. Публичную Библіотеку въ 1884 г., переплетъ № 3).

Семейная ея жизнь, посвященная заботамъ объ образованіи и воспитаніи дѣтей, полна трогательныхъ эпизодовъ, характеризующихъ ее, какъ мать и какъ жену, но цѣль моей статьи не позволяетъ мнѣ останавливаться на этомъ подробно [1]). Приведу только слова сына Софіи Александровны, которыми онъ заканчиваетъ ея біографію: «Графиня Софія Александровна оставила послѣ себя память женщины съ рѣдкими качествами ума и сердца. Глубоко религіозная, мать нѣжная и умная, вѣрная супруга и вѣрный другъ, высокообразованная женщина, краса и честь своего времени и вѣка». Этотъ восторженный отзывъ вполнѣ оправдывается фактами.

Гр. Софія Александровна, а послѣ нея сынъ и внукъ тщательно сохранили всѣ рукописи Жуковскаго до незначительной записочки включительно, и такимъ образомъ мы имѣемъ не только новый литературный матеріалъ, но и намеки на новыя біографическія данныя, интересныя для характеристики личности поэта. Что же касается варіантовъ стихотвореній напечатанныхъ, то и они могутъ имѣть важность въ глазахъ редактора будущаго критическаго изданія сочиненій В. А. Жуковскаго, а такъ какъ рукописи, принадлежащія частнымъ лицамъ, подвержены различнымъ случайностямъ и не всегда доступны, то я счелъ необходимымъ привести эти варіанты цѣликомъ, «не мудрствуя лу-

---

1) Не лишенъ интереса разсказъ о 14 декабря 1825 г., переданный въ ея біографіи: «14 декабря мужъ Софіи Александровны, кавалергардскій поручикъ, поѣхалъ во дворецъ на выходъ и принятіе присяги, но вскорѣ вернулся, переодѣлся въ походную форму и поскакалъ верхомъ къ своему полку на Адмиралтейскую площадь. Гр. С. А. очень за него безпокоилась. Послышались выстрѣлы. Нѣсколько разъ приходили посланные отъ мужа разносчики пряниковъ съ извѣстіемъ отъ него, что онъ живъ и здоровъ. Ядро картечное, пролетѣвъ по Галерной ул., засѣло въ штукатуркѣ ихъ дома (теперь № 58 по Галерной ул.). Когда вечеромъ все утихло, графиня сѣла на извозчика и съ горничною своею поѣхала на площадь, гдѣ, переѣзжая отъ бивачнаго огня къ огню, отыскала кавалергардскій полкъ, но мужа въ полку не было. Она была въ большомъ безпокойствѣ, полагая, что онъ раненъ, и это отъ нея скрываютъ. Но одинъ изъ его товарищей, гр. Ферзенъ, сѣлъ верхомъ, поѣхалъ смѣнить гр. Бобринскаго, разъѣзжавшаго съ патрулемъ, и далъ ему возможность вернуться и успокоить жену».

каво». Такимъ образомъ въ моей статьѣ читатели найдутъ подробный и точный до мелочей обзоръ всего полученнаго мною[1]).

I.

На первомъ мѣстѣ по обилію матеріала слѣдуетъ поставить альбомъ въ кожаномъ сафьянномъ переплетѣ съ застежками. На переплетѣ мѣдная пластинка съ буквой Ж. Первая страница альбома занята стихотвореніемъ на нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ ни заглавіе, ни авторъ не указаны. Это — стихотвореніе Гёте «An Lottchen» съ небольшими урѣзками и кое-гдѣ подчеркнутыми словами, что̀ доказываетъ намѣреніе В. А. Жуковскаго придать ему опредѣленное значеніе. Поэтому привожу его цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ оно переписано:

Mitten im Getümmel mancher Freuden,
Mancher Sorgen, mancher Herzensnoth,
Denk ich *dein*.....
Wohl ist mir's, dass ich dich nicht verkannt,
Dass ich gleich dich in der ersten Stunde,
Ganz den Herzensausdruck in dem Munde,
Dich ein *wahres gutes Kind* genannt.

Still und eng und ruhig auferzogen
Wirft man uns auf Einmal in die Welt;
Uns umspülen hunderttausend Wogen,
Alles reizt uns, Mancherlei gefällt,
Mancherlei verdriesst uns, und von Stund zu Stunden
Schwankt das leichtunruhige Gefühl;
Wir empfinden, und was wir empfunden,
Spült hinweg das bunte Weltgewühl.

---

1) Кромѣ орѳографіи.

Wohl, ich weiss es, da durchschleicht uns innen
Manche Hoffnung, mancher Schmerz.
Liebe [1]), wer kennt unsre Sinnen?
Liebe [1]), wer kennt unser Herz?
Ach, es möchte gern gekannt sein, überfliessen
In das Mitempfinden einer Creatur,
Und vertrauend zwiefach neu geniessen

Alles Leid und Freude der Natur.
Und da sucht das Aug' so oft vergebens
Rings umher, und findet Alles zu;
So vertaumelt sich der schönste Theil des Lebens
Ohne Sturm und ohne Ruh;
Und zu deinem ewgen Unbehagen
Stösst dich heute, was dich gestern zog.
Kannst du zu der Welt nur Neigung tragen,
Die so oft dich trog,
Und bei deinem Weh, bei deinem Glücke,
Blieb in eigenwillger starrer Ruh?
Sieh da tritt der Geist in sich zurücke,
Und das Herz—es schliesst sich zu.

So fand ich dich und ging dir frei entgegen!

За этимъ стихомъ былъ написанъ и слѣдующій, тщательно потомъ соскобленный:

O sie ist werth zu sein geliebt!

На второй страницѣ подъ печатью, которая изображаетъ на черномъ фонѣ бѣлый *столбъ съ фонаремъ, кидающимъ свѣтъ*, помѣщенъ эпиграфъ: «Все въ жизни къ прекрасному средство!» и слѣдующее не появлявшееся въ печати разсужденіе о счастьѣ жизни:

---

1) У Гёте: «Lottchen».

«...Я когда-то сказалъ: счастіе жизни состоитъ не изъ отдѣльныхъ наслажденій, но изъ наслажденій съ *воспоминаніемъ*, и эти наслажденія сравнилъ я съ фонарями, зажженными ночью на улицѣ: они раздѣлены промежутками, но эти промежутки *освѣщены* и вся улица свѣтла, хотя *не вся* составлена изъ свѣта [1]). Такъ и *счастіе жизни!* Наслажденіе — фонарь, зажженный на дорогѣ жизни; воспоминаніе — свѣтъ, а счастіе — рядъ этихъ фонарей, этихъ прекрасныхъ, свѣтлыхъ воспоминаній, которыя всю жизнь озаряютъ. Надежда — пустое слово: она привлекательна только для неопытности, которая не знаетъ жизни, для которой вся прелесть этого слова заключена въ его непостижимости [2]). И что надежда? Безпокойное, хотя нерѣдко сладостное ожиданіе чего-то въ будущемъ; такое ожиданіе только вредно: оно уничтожаетъ настоящее. Позабудь о будущемъ, чтобы жить какъ должно; пользуйся настоящею минутою, ибо только она есть *вѣрное* средство къ прекрасному! Зажигай свой фонарь, не заботясь о тѣхъ, кои Провидѣніе дастъ зажечь послѣ; въ *свое* время ты оглянешься и за тобою будетъ прекрасная, *свѣтлая дорога*. Между настоящею минутою и неизвѣстнымъ предѣломъ жизни помѣсти не *Надежду*, а *Провидѣніе:* переходя отъ одной озаренной яркимъ воспоминаніемъ минуты къ другой такой-же, нечувствительно дойдешь до этого предѣла, за которымъ вѣрное, неизмѣнное будущее. Объ немъ можно думать безъ волненія, оно не мѣшаетъ жизни! Но что-же здѣшнее будущее? Приходитъ-ли она когда-нибудь такимъ, какимъ мы его себѣ воображаемъ? На что-же ему вѣрить и объ немъ заботиться? Прошедшее-же пускай идетъ съ нами *рядомъ!* Пусть будетъ нашимъ добрымъ, утѣшительнымъ, ободряющимъ сопутникомъ?

---

1) Теперь становятся понятными выраженія въ письмахъ Жуковскаго: «Зажигайте около себя и въ сердцахъ своихъ дѣтей *фонари свои* и *наши* будутъ горѣть тамъ и здѣсь и отвѣчать вамъ своимъ свѣтомъ». «На свѣтѣ только и хорошаго, что *фонари*» (К. К. Зейдлицъ: «Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго». СПБ. 1883, стр. 105 и 107).

2) Ср. «Надежда—лукавый предатель» («Тэонъ и Эсхинъ»).

Для сердца прошедшее вѣчно! [1])

Можно нѣкоторымъ образомъ сказать, что существуетъ только то, чего уже нѣтъ! Будущее можетъ не быть; настоящее можетъ и должно перемѣниться; одно прошедшее не подвержено измѣняемости: воспоминаніе бережетъ его; и если это воспоминаніе чистое, то оно есть Ангелъ-Хранитель нашего счастія; оно утѣшаетъ наши горести; оно озаряетъ предъ нами неизвѣстность будущаго. Ясный фонарь на дорогѣ жизни... что онъ? Одно-ли наслажденіе, столь же быстрое и тлѣнное, какъ пролетающая минута? О, нѣтъ! доброе чувство, высокая мысль, прекрасное дѣло — имъ однимъ принадлежитъ воспоминаніе! Эти свѣтлыя минуты, въ которыя мы жили сердцемъ, созданнымъ для прекраснаго, высокаго и добраго, можно назвать минутами божественнаго откровенія: въ эти минуты Божество неотрицаемо. Я назвалъ бы каждое прекрасное чувство, каждую высокую, сердцемъ внушенную мысль *Богомъ!* Не онъ ли говоритъ въ нихъ душѣ человѣческой: *я здѣсь!* и какъ въ такую минуту не отвѣчать Ему: *вѣрую, Господи!* И рядъ такихъ минутъ, въ которыя Божество, блеснувъ передъ тобою собственнымъ же твоимъ чувствомъ, не угасло, но оставило тебѣ *свѣтъ свой* въ воспоминаніи,— рядъ фонарей... вотъ счастіе! и оно вѣчно, какъ душа съ ея неизгладимыми воспоминаніями!

Еще одна мысль, которая здѣсь у мѣста: жизнь есть *воспитаніе*. Все въ ней служитъ урокомъ. *Цѣль* жизни — знать хорошо урокъ свой, чтобы не пристыдить себя передъ верховнымъ учителемъ. *Гдѣ* придется употребить уроки его въ пользу— это знаетъ только Онъ. Что онъ учитъ *не напрасно* — это вѣрно,

---

1) «Тэонъ и Эсхинъ». Ср.

«О, наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновенье лишь дано,
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты
И гдѣ навѣкъ минувшее одно»

(«На кончину королевы Виртембергской»).

и въ *знаніи этого*, основанномъ на чувствѣ, вся наша Вѣра. Павловскъ, 29 августа 1819»[1]).

Это разсужденіе прекрасно характеризуетъ основныя черты міровоззрѣнія Жуковскаго. Вотъ почему нѣкоторые взгляды, высказанные въ немъ, вызываютъ въ памяти цѣлый рядъ произведеній поэта. Такова, напримѣръ, мысль о настоящемъ, прошедшемъ, будущемъ и о роли въ человѣческой жизни воспоминанія; эта мысль, спутница Жуковскаго отъ юношескихъ лѣтъ до поздней старости, красною нитью проходитъ черезъ всю его литературную дѣятельность. Сравнимъ съ только-что приведенными словами слѣдующіе отрывки:

«Вся наша жизнь была бы однимъ послѣдствіемъ скучныхъ и несвязныхъ сновидѣній, когда бы съ настоящимъ не соединялись тѣсно ни будущее, ни прошедшее—три неразлучныя эпохи: одна украшаетъ другую; одна отъ другой заимствуетъ прелесть». («Три сестры». 1808 г. Дальнѣйшій разсказъ представляетъ не что иное, какъ разсужденіе о настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ).

«Развѣ тому, кто наслаждался, не остается меланхолической, усладительной привязанности къ прошедшему?» («Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ». 1808 г.).

«Живешь воспоминаньемъ:
Его очарованьемъ
Преображенный свѣтъ
Одинъ вездѣ являетъ
Душѣ твоей предметъ». («Къ Батюшкову». 1812 г.).

«Нашлось иль нѣтъ земное счастье —
Но *милое минувшихъ дней*
[На яспомъ утрѣ упованья

1) Очевидно, это и есть тотъ альбомъ, о которомъ говоритъ Жуковскій въ указанной выше записи въ дневникѣ подъ 29 авг. 1819 г.: «По утру. Альбомъ Самойловой».

Насъ веселившая звѣзда]
Милѣйшимъ будетъ завсегда
Сокровищемъ воспоминанья».

(«Кн. Оболенской». 1821).

Прекрасное «дѣйствуетъ на нашу душу не *настоящимъ*, а темнымъ воспоминаніемъ всего прекраснаго въ *прошедшемъ* и тайнымъ ожиданіемъ чего-то въ будущемъ». (Приписка къ стих. «Лалла-Рукъ». 1821 г.).

«Настоящее казалось бѣднымъ, а будущее ничего не обѣщало въ жизни.... Но добрый геній, *воспоминаніе*, прилетѣло ко мнѣ на помощь». («Отрывокъ изъ письма о Саксоніи». 1821 г.).

«О, милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О, дума сердца — упованіе
На лучшій, непзмѣнный свѣтъ». («Мотылекъ и цвѣты». 1822 г.).

«Тамъ на жизненномъ предѣлѣ
Два сопутника насъ ждутъ;
Ободритель — упованье,
Геній младости живой,
И любовь — воспоминанье,
Стражъ земного неземной». («Прощальная пѣснь воспитанницъ Общества благородныхъ дѣвицъ». 1827 г.).

«Блаженъ, кто носитъ
Въ своей душѣ святую память, вѣрность
Прекрасному минувшему!» («Камоэнсъ». 1839 г.).

Прекрасное «дѣйствуетъ на нашу душу не однимъ присутственнымъ *настоящимъ*, но и неяснымъ въ одно мгновеніе сліянным *воспоминаніемъ* всего прекраснаго въ прошедшемъ и тайнымъ *ожиданіемъ* лучшаго въ будущемъ». (Письмо къ Н. В. Гоголю «Слова поэта — дѣла поэта». 1848 г.).

«И со мною на просторѣ
Тамъ милое *минувшее* мое,
Въ воспоминаніи дружася съ *настоящимъ*,
Всегда присутственною невидимкой
Спокойно жило». («Вел. кн. Маріи Николаевнѣ».
1851 г.).

За приведеннымъ выше разсужденіемъ слѣдуютъ 44 произведенія Жуковскаго, начисто переписанныя его рукою, и одно его же стихотвореніе, переписанное рукою гр. С. А. Самойловой. Привожу ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они помѣщены въ альбомѣ:

1. Голосъ знакомаго мимопролетѣвшаго генія. (Къ мимопролетѣвшему генію) [1]).
2. 17 августа 1819. (Праматерь внукѣ).
3. Ländler-gras. (Цвѣтъ завѣта) [2]).
4. Къ К. Вяземскому. (Отвѣтъ кн. Вяземскому на его стихи: «Воспоминаніе»).
5. Эпитафія. (Надгробіе И. П. и А. И. Тургеневымъ).
6. Пловецъ. (Стансы).
7. Эпитафія, Мими (Чижикъ).
8. Жизнь и ея Ангелъ. (Жизнь).
9. Павловскъ 29 іюня 1819. (Платокъ графини Самойловой).
10. «Больной покинутый поэтъ...» [3]).

---

1) Въ скобкахъ мною указаны соотвѣтственныя заглавія по 9 изд. сочиненій В. А. Жуковскаго.

2) Объ этомъ стихотвореніи пишетъ А. И. Тургеневъ кн. П. А. Вяземскому: «Посылаю тебѣ стихи Жуковскаго, написанныя по заказу великой княгини. Она же дала и тему на нѣмецкомъ: «Ländler-gras; у нѣмцевъ — цвѣтъ завѣта». («Остафьевскій архивъ» I, 276).

3) Датировано 8 іюля, а не 8 іюня, какъ въ 9 изданіи, и находится въ связи съ слѣдующимъ, неразборчивый черновикъ котораго въ Публ. Библ. (Бумаги Жуковскаго, № 29, л. 12), и которое написано 9 іюля. О немъ П. А. Ефремовъ упоминаетъ въ 9 изд. (въ примѣчаніяхъ ко II тому, стр. 555), но въ текстѣ не приводитъ, очевидно, за неимѣніемъ болѣе или менѣе разборчивой рукописи.

11. «Ужъ думалъ я, что я забытъ...» (въ печати не появлялось).
12. 17 сентября. Нач. «Напрасно я мечтою льстился...» (въ печати не появлялось) [1]).
13. «Имя гдѣ для тебя...».
14. «Вчера я васъ не убѣдилъ...» (въ печати не появлялось) [2]).
15. Къ графинѣ Шуваловой послѣ ея дебюта въ роли мертвеца.
16. Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди.
17. «Минувшихъ дней очарованье...».
18. Сказка о красномъ карбункулѣ.
19. Посланіе къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. (Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ первый отчетъ о лунѣ).
20. Посланіе къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. 29 іюля.
21. Двѣ надписи къ портрету Императрицы Елизаветы Алексѣевны.
22. Къ портрету великой княгини.
23. Къ портрету Батюшкова [3]).
24. Къ портрету Гёте.

---

1) Черновикъ въ Публичной Библіотекѣ, бумаги Жуковскаго № 29, об. л. 25; переписанное начисто не рукою Жуковскаго тамъ же, № 15, об. л. 85.

2) Оно есть въ Публичной Библіотекѣ: № 29 об. л. 27; № 15, л. 87.

3) «Пѣвецъ любви, отважный воинъ,
Съ нимъ дружен богъ войны, съ нимъ дружен Аполлонъ,
По дарованію достоинъ славы онъ,
По сердцу счастія достоинъ».

Это четверостишіе съ перестановкой первыхъ двухъ стиховъ находится въ рукописяхъ Публ. Библ., № 29, об. л. 21. И. А. Бычковъ озаглавилъ это стихотвореніе (Бумаги В. А. Жуковскаго. СПБ. 1887, стр. 83) по рукописи «Къ Т. Б.» и высказалъ догадку, что оно относится къ Т. Е. Боку, къ которому Жуковскій написалъ 3 стихотворныхъ письма (Сочиненія, 9 изд., т. I, с. 423—425). Со словъ И. А. Бычкова къ Боку относитъ это стихотвореніе и П. А. Ефремовъ (примѣч. къ I т., стр. 527). Ошибка объясняется тѣмъ, что въ рукописи заглавіе очень неясно. Впрочемъ, и по содержанію отнести его къ Т. Боку трудно.

25. Весеннее чувство.
26. Путешественникъ и поселянка.
27. Мщеніе.
28. Монахиня (Утѣшеніе).
29. Близость весны.
30. Цеиксъ и Гальціона.
31. Три путника.
32. Гаральдъ.
33. Три пѣсни.
34. Пѣсня бѣдняка.
35. Узникъ.
36. 1-ое и 2-ое дѣйствія «Орлеанской дѣвы».
37. Пѣсня.
38. Къ графинѣ Шуваловой (въ печати не появлялось) [1]).
39. Къ А. Г. Хомутовой.
40. Къ Нарышкину.
41. Къ К. Ѳ. Голицыну (не появлялось въ печати) [2]).
42. Циркулярное посланіе (не появлялось въ печати) [3]).
43. Къ княгинѣ А. Ю. Оболенской. (Нач. «И такъ еще намъ суждено»).
44. Къ ней же. (Нач.: «Княгиня, для чего отъ насъ»).
45. «Товарищъ! вотъ тебѣ рука». («Посланіе В. А. Перовскому»). Переписано рукою гр. Самойловой и датировано: «23 іюля 1820 года. Павловскъ».

Привожу прежде всего стихотворенія, не появлявшіяся въ печати:

9 іюля.

Ужъ думалъ я, что я забытъ,
Что рифмы жалкаго посланья

---

1) Черновикъ этого стихотворенія находится въ Публичной Библіотекѣ (бумаги В. А. Жуковскаго, № 26, л. 97). Слѣдовательно, догадка И. А. Бычкова, что оно относится къ гр. Самойловой, невѣрна (Бумаги Жуковскаго, стр. 62).

2) Черновикъ въ Публичной библіотекѣ, бумаги Жуковскаго, тетр. № 29, об. л. 49.

3) Ср. Тамъ же, тетр. № 26, л. 95.

Не пробудили состраданья,
И что пора мнѣ за Коцитъ,
Сказавъ: прости! земному свѣту,
Гдѣ нѣтъ и жалости поэту!
Съ тоски я потащился въ садъ,—
А скука прогнала назадъ:
Но подхожу къ дверямъ съ кручиной,
А у дверей ужъ радость ждетъ
И съ очарованной корзиной
Мнѣ улыбаясь подаетъ
Здоровье, силы, вдохновенье!
Не думайте, чтобъ сновидѣнье
Смутило такъ съ душой моей
И чтобъ придворный вашъ лакей,
Отправленный съ корзиной вами,
Моими принятъ былъ глазами
За милую царицу Фей,
За жизнедательную *Радость!*
Нѣтъ! не мечты минутной сладость
Очаровала душу мнѣ!
Могу-ль такъ грубо обмануться?
Когда бъ случилось то во снѣ—
Я не подумалъ бы проснуться!
Сама богиня то была!
Сосудъ судьбы она дала
Мнѣ въ скромномъ образѣ корзины!
Въ задатокъ всѣхъ житейскихъ благъ,
Въ бумажныхъ свернуты листахъ,
Въ ней золотые апельсины,
Янтарный сочный виноградъ,
Душистыхъ абрикосовъ рядъ,
И ананасы съ земляникой,
И сливы пухлыя съ клубникой
Явились въ блескѣ предо мной

Я принялъ трепетной рукой —
И мнилось, таинство судьбины,
На днѣ лубошныя корзины,
Разоблачилось для меня,
И жизнь ужъ стала не загадка.
О ты, прелестная перчатка!
Тебя я знаю: ты родня
Перчатки той честолюбивой,
Которую поэтъ счастливой
Весной прошедшею въ Кремлѣ,
Поймалъ на мраморномъ столѣ,
Когда, гордясь сама собою,
И въ ссорѣ съ милою рукою
На волю рока отдана,
Глядѣлась въ зеркало она!
А ты, башмакъ, ты братъ Дельфину!
Отправивъ брата-близнеца
За странникомъ-платкомъ въ пучину,
Найди для странника-пѣвца
На сушѣ вѣрную дорогу,
Хотя и сшитъ для красоты,
Хотя ему не въ пору ты,
Хотя пожмешь немного ногу!
Но какъ назвать тебя, платокъ!
Какъ ты зашелъ въ мой уголокъ?
Въ часъ добрый! гость, судьбою данный!
Я знаю, тотъ непостоянный
Платокъ-измѣнникъ и бѣглецъ,
Не можетъ быть твоей роднею.
Пускай сіяетъ онъ звѣздою —
Ты будь *моимъ!* тебѣ пѣвецъ
Себя отнынѣ повѣряетъ.
Когда онъ жизнью заскучаетъ
И мрачнымъ путь найдетъ земной,

Лицо закроетъ онъ тобой.
Подъ сей завѣсою чудесной
Все станетъ вдругъ опять прелестно
Для добровольнаго слѣпца,
А то, что оскорбляетъ око,
Незримо будетъ и далеко
Отъ покровеннаго лица.
Когда жъ въ страну воображенья
Захочетъ полетѣть поэтъ,
А риомъ и жаркихъ мыслей нѣтъ,
И вялы крылья вдохновенья —
Тебя лишь стоитъ разостлать!
Ты будешь коврикъ окрыленной
И можешь за предѣлъ вселенной
Пѣвца и Музу перемчать!

---

17 сентября.

Напрасно я мечтою льстился,
Напрасно я вчера проспился,
Графиня, къ вамъ поздравить васъ!
Что въ поздравленьи! вы сказали
И холодно мнѣ отказали —
Благодарю и за отказъ!
Не до меня вамъ! вы съ гостями!
Я знаю, повидаться съ вами
Теперь небесные пришли
Очаровательи земли,
Васъ посѣщавшіе и прежде:
Любовь и *Вѣра* — благодать,
Подруги молодой *Надежды*,
И *Мудрость*, милая ихъ мать,

Вамъ давшая свое названье
И васъ нарекшая *своей!*
Я ваше не дерзну вниманье
Отвлечь отъ свѣтлыхъ сихъ гостей;
А развѣ тайное желанье
Шепну вамъ издали душой.
И въ немъ вамъ нужды нѣтъ, я знаю!
Но я вамъ благъ земныхъ желаю,
Какъ вѣрный, вшедшій въ храмъ святой,
На жертвенникѣ Провидѣнья
Приноситъ теплыя моленья
Не для небесъ, а для себя.
Моляся душу возвышаетъ
И все въ молитвѣ заключаетъ,
И мысль награды истребя!
И кто-же запретитъ мнѣ сладость
Жить съ вашимъ благомъ, какъ съ мечтой,
Души сопутницей родной,
Желать, чтобъ все, что ваша младость
Такъ обѣщаетъ намъ, сбылось,
Чтобъ счастье жизни вамъ далось
Достойнымъ васъ и неизмѣннымъ,
Не тѣмъ ничтожнымъ и пустымъ,
Разсѣянно-обыкновеннымъ,
Которое такъ часто зримъ
Желаній вѣтреныхъ предметомъ,
Которое одинъ обманъ,
Къ молитвамъ хладный истуканъ,
Вотще боготворимый свѣтомъ!
Кто вашу душу прочиталъ,
Тотъ сердца тайнымъ упованьемъ
Иное счастье вамъ создалъ,
Тому любезнѣйшимъ желаньемъ
Сія прекрасная мечта,

И ободряющей звѣздою
Сіяетъ надъ его тропою
Любимой жизни красота!
Васъ небо, вѣрьте, отличило!
Оно недаромъ отворило
Вамъ область опыта, сей свѣтъ!
Прекраснаго въ семъ свѣтѣ нѣтъ:
Въ него *прекрасное* съ собою
Мы вносимъ съ нашимъ бытіемъ,
Мы лишь въ себѣ его найдемъ!
О, ваше сердце вѣрно встрѣтитъ
Прямую *прелесть жизни* сей,
И рядъ веселыхъ фонарей
Дорогу вашу всю освѣтитъ!
Пусть друга-Ангела рука
Ихъ зажигаетъ передъ вами!
А я, хотя *издалека*
За вами слѣдуя глазами,
Васъ буду сердцемъ провожать
И благодарно ихъ считать!

---

5 октября. Гатчино [1]).

Вчера я васъ не убѣдилъ
Своею прозою убогой!
Съ холодностью внимали строгой
Вы все, что̀ я ни говорилъ.

---

1) Это стихотвореніе находится въ рукописи Публ. библ. среди текста, который вошелъ въ альбомъ, подаренный Жуковскимъ Самойловой вмѣстѣ съ Библіей (см. ниже). Очевидно, 17 сентября онъ послалъ ей помѣщенное выше стихотвореніе «Напрасно я мечтою льстился», не рѣшаясь поднести альбомъ. 4 октября онъ бесѣдовалъ съ нею, что видно изъ стих. «Вчера я васъ не убѣдилъ», написаннаго 5 октября, а 7 октября онъ принялся писать post-scriptum (см. ниже).

Не знаю, быть краснорѣчивымъ
Умѣлъ-ли бъ Цицеронъ при васъ,
Но то я знаю, что подчасъ
Хотя и радъ бы стать болтливымъ,
Но всѣ растеряны слова
И бродитъ кругомъ голова.
Но дѣло не о томъ!... стихами
Позвольте то вамъ повторить,
О чемъ ужъ я дерзнулъ просить
Васъ прозы скудными словами.
Вотъ самый вѣрный вамъ разсказъ:
На этихъ дняхъ (въ послѣдній разъ,
Когда изъ Павловскаго сада
Я быстро такъ перескочилъ
На мостовую Петрограда,
Когда я въ Петербургѣ былъ)
Я шелъ Фонтанкой въ размышленьѣ,
И *ваше* божество *Забвенье*,
Вашъ вѣрный, неразлучный другъ,
Не шло, къ несчастію, со мною;
Я былъ одинъ или съ мечтою
Вдвоемъ — не помню! только вдругъ,
У Симеоновскаго моста,
Служивый Марса молодой,
Пріятный, небольшого роста,
Съ лицомъ, блестящимъ остротой,
Въ измайловскомъ мундирѣ, словомъ
Черкасовъ встрѣтился со мной.
И вижу я, что подъ покровомъ
Его веселости живой
Какъ будто грустное таилось;
Онъ руку дружески мнѣ далъ;
И слово за слово открылось
Мнѣ то, что взоръ мой угадалъ.

Увы! по виду онъ виною
Тяжелою обремененъ.
Но вправду.... виноватъ-ли онъ?
Зачѣмъ коварною судьбою
Ему былъ тотъ альбомъ вручонъ,
Который весь своей рукою
Вы потрудились написать?
Его ужасно въ руки брать:
Волшебство каждая въ немъ строчка!
Тамъ каждая въ линейкахъ точка
Коварнымъ хвостикомъ своимъ,
Какъ талисманъ, обворожаетъ
И сердцу гласъ тотъ повторяетъ,
Который, разъ бывъ слышенъ имъ,
Съ нимъ познакомитъ вдохновенье,
И раззнакомитъ съ нимъ *забвенье!*
Чѣмъ виноватъ Черкасовъ мой?
Повѣрьте, долго онъ сражался
Съ неизбѣжимою судьбой,
И ей бы вѣрно не поддался,
Когда бы не поддаться могъ!
Враждующій какой-то богъ
Его невольно въ преступленье
Увлекъ. Отвергнувъ подозрѣнье,
Сестрѣ любезной въ угожденье
Неосторожнымъ онъ перомъ
Вашъ переписывалъ альбомъ.
А рядомъ съ нимъ Мечта сидѣла
И *шепотомъ* по нотамъ пѣла
Все то, что̀ *вслухъ* пѣвали вы,
И сердце слушало невольно,
А сердца слишкомъ ужъ довольно
Для потрясенья головы!
Ему всегда побѣда въ спорѣ

Съ напрасно-гордой головой,
Но что-жъ, когда еще съ судьбой
Оно въ коварномъ заговорѣ!
Неосторожный витязь мой,
Занявшись милой перепиской,
Не могъ бѣды замѣтить близкой
И лишь тогда ее узналъ,
Когда ея добычей сталъ.
Судьбы постигнувши коварство,
Онъ вздумалъ, что найдетъ лѣкарство
Отъ яда, выпитаго имъ,
Въ сообществѣ съ подругой думы,
Которою часы угрюмы
Такъ часто мы животворимъ,
Которой дѣйствіе чудесно,
Которая въ досужій часъ
Приводитъ непримѣтно насъ
Къ пріятному самозабвенью,
Насъ покоряетъ размышленью
И намъ, обманутымъ тщетой,
Тщеты обманчивость являетъ,
И призракъ, узнанный душой
Съ летучимъ дымомъ исчезаетъ.
Короче — въ подкрѣпленье силъ,
Совсѣмъ разстроенныхъ борьбою
Съ необоримою судьбою,
Черкасовъ трубку закурилъ:
Судьба того-то и желала!
Коварная очаровала
Непостоянной трубки дымъ:
Всѣ мысли вдругъ сліялись съ нимъ.
Какъ легкій геній, подымался
Онъ надъ сверкающимъ огнемъ,
И милый образъ отражался

Душѣ обрадованной въ немъ.
И вмѣстѣ съ нимъ душа летала
И, съ нимъ летая, прилипала
Къ тѣмъ очарованнымъ листамъ,
Которыхъ видъ, очамъ опасной,
Ее плѣнилъ такъ самовластно...
Она съ нимъ и осталась тамъ!
И такъ, судьбою побѣжденный
Черкасовъ, вамъ боясь отдать
Альбомъ вашъ, дымомъ закуренный,
Опять его переписать
Для васъ своей рукой рѣшился.
Ужель напрасно онъ трудился?
Графиня, умоляю васъ,
Не требуйте оригинала!
Его судьба ужъ наказала!
Къ тому жъ — сказать бы въ добрый часъ —
То въ первый и въ послѣдній разъ.

Къ графинѣ Шуваловой.

20 мая 1820. Въ исходѣ 11 часа ввечеру.

Уже одиннадцатый часъ!
Графиня, поздравляю васъ
Съ веселымъ вашимъ возвращеньемъ
Изъ той печальной стороны,
Куда вы были сновидѣньемъ
Обманчивымъ отвлечены
Отъ милыхъ свѣта наслажденій,
Отъ ясной младости своей,
Отъ жизни, счастья и друзей!
Повѣрьте мнѣ, тотъ мрачный геній,

Который вѣсть вамъ приносилъ
О вашей тратѣ невозвратной,
Не грозный геній *смерти* былъ,
Но *жизни* геній благодатной.
Онъ вашу душу испыталъ.
Ея невинности прекрасной
Изображеніемъ ужасной
Могилы онъ не испугалъ:
Вы съ тихой твердостью взглянули
На чашу, поданную вамъ,
О свѣтѣ, можеть быть, вздохнули,
Но поднесли ее къ устамъ
Съ покорной вѣрой въ Провидѣнье...
И такъ, забудьте сновидѣнье,
Смутившее напрасно васъ!
Теперь вы заживо узнали,
Сколь мало страшенъ смерти часъ:
Вы на порогѣ томъ стояли,
Къ которому идетъ нашъ путь,
Къ которому невольно мчимся,
Но за который такъ боимся
Изъ бытія перешагнуть.
Смотрите! Геній-испытатель
На семъ порогѣ роковомъ
Стоитъ ужъ въ образѣ иномъ:
Веселый блага проницатель,
Давъ руку младости живой,
Обнявшись съ милою надеждой,
Онъ ужасъ двери гробовой
Своей волшебною одеждой
Для взора вашего закрылъ,
Онъ факелъ *жизни* воспалилъ,
Онъ свѣтитъ вамъ къ земному счастью,
Онъ васъ къ *прекрасному* влечетъ

Своею дружественной властью.
Идите-же, куда зоветъ
Его священное призванье;
Живите, вѣря небесамъ!
Для добрыхъ жизнь очарованье —
Кому-жъ и жить, когда не вамъ.

Къ К. Ѳ. Голицыну.

Я слова, князь, не позабылъ:
Я вамъ должникъ за Каталани!
И если я не заплатилъ
Еще обѣщанной вамъ дани,
То все я передъ вами правъ.
Собачій вѣрный біографъ,
Я ждалъ отъ васъ нетерпѣливо
Записокъ точныхъ, чтобъ на нихъ
Сослаться въ надписи правдивой
И честь воздать въ стихахъ моихъ
Согласно съ истиною строгой
Покойницѣ четвероногой.
Но я напрасно ожидалъ:
Князь Ѳедоръ въ шумномъ кругѣ свѣта
Среди веселій пировалъ,
Забывъ собаку и поэта.
Пора напомнить вамъ объ ней!
Чтобъ въ эпитафіи моей,
Напрасно пышными стихами
Передъ потомствомъ не солгать,
Чтобъ о собакахъ не сказать
Того, что̀ часто надъ гробами
Временщиковъ и богачей,
И полководцевъ, и царей

Чертятъ безстыдными рѣзцами
На гордыхъ мраморныхъ доскахъ,
Короче, чтобы могъ въ стихахъ
Я пса покойнаго представить
Въ *его*, а не въ *чужой* красѣ,
Прошу мнѣ полную доставить
Записку о покойномъ псѣ:
У васъ, я думаю, остался
Въ бумагахъ списокъ послужной.
Во-первыхъ: какъ онъ назывался?
Потомъ: породы былъ какой,
Дворовый, гончій иль лягавой?
Иль пудель съ головой курчавой,
Иль мопсъ, изнѣженный храпунъ,
Съ наморщенной арабской мордой,
Иль шпицъ, иль догъ, флегматикъ гордой,
Иль быстрый англійскій прыгунъ?
Иль, можетъ быть, онъ мышеловкой
Коротконогой вамъ служилъ,
Иль триксой желтопузой былъ,
Или съ кудрявою головкой,
Съ обритой спинкой и хвостомъ,
Для шутки назывался *львомъ*,
Былъ дѣтямъ мирною игрушкой
И рѣдко ссорился съ подушкой?
Еще знать хочетъ Аполлонъ,
Чему покойникъ былъ ученъ?
Умѣлъ-ли подавать онъ лапку?
Умѣлъ-ли по приказу шапку
Съ прохожихъ невзначай срывать?
Умѣлъ-ли морду приподнявши,
Моргая носомъ, хвостъ поджавши,
На заднихъ лапочкахъ стоять?
Да сверхъ того, каковъ былъ свойствомъ:

Привѣтливъ былъ-ли для *своихъ?*
Умѣлъ-ли лаять на *чужихъ?*
И отличался-ли геройствомъ,
Когда случалось вызывать
Ему на рыцарскую драку
За кость соперницу-собаку?
Короче, я желаю знать
Въ подробность все, что̀ съ нимъ случалось:
Какою смертью умеръ онъ?
Когда и гдѣ похороненъ?
И много-ли спротъ осталось,
Чтобы объ немъ напоминать,
Чтобы для васъ, ворча и лая,
Покойника изображая,
Его утрату замѣнять?

Циркулярное посланіе.

Извѣстно всѣмъ, что Аполлонъ
Все вѣдаетъ, все хочетъ вѣдать!
Теперь узнать желаетъ онъ,
Званы-ли фрейлины обѣдать
Къ графинѣ Бобринской? И въ чемъ
Сбираются туда: въ каретѣ,
Въ линейкѣ, въ дрожкахъ иль верхомъ?
И проситъ ихъ онъ о поэтѣ,
Которому въ жары пѣшкомъ
На званый пиръ итти накладно.
Ему отъ рифмъ довольно чадно!
Имъ поэтическій угаръ
Давно владѣетъ своевольно:
Одной горячки ужъ довольно

И солнечный не нуженъ жаръ.
Надежду робкую приноситъ
Онъ къ пѣжнымъ фрейлинскимъ сердцамъ
И мѣста на линейкѣ проситъ,
Когда найдется мѣсто тамъ.
Земныя милыя богини,
Хариты царскаго дворца,
Возьмете-ль вы съ собой пѣвца
На дачу Бобринской графини?
Скажите въ двухъ словахъ отвѣтъ.
Когда нельзя, то просто: *нѣтъ!*
Но если можетъ Рокъ рѣшиться
Изъ тайной урны вынуть *да*,
То вы примолвите: когда
Поэтъ вашъ долженъ къ вамъ явиться,
Чтобъ Грацій не заставить ждать
И на обѣдъ не опоздать?

Всѣ эти стихотворенія, за исключеніемъ одного «Напрасно я мечтою льстился», дышащаго неподдѣльнымъ чувствомъ горячей дружбы, могутъ быть охарактеризованы словами А. И. Тургенева: «Посланія его къ фрейлинамъ павловскимъ забавны, и онъ и въ нихъ поэтъ, но поэтъ болтунъ»[1]).

Изъ остальнаго матеріала, заключающагося въ этомъ альбомѣ, останавливаютъ вниманіе нѣкоторыя мѣста изъ «Орлеанской дѣвы», непзвѣстныя въ печати. Такъ, въ I дѣйствіи, явленіи 7, король говоритъ:

«Не унывай, моя Агпеса.
Есть Франція и за Луарой.
Мы тамъ найдемъ счастливѣйшій предѣлъ!

1) Остафьевскій архивъ, т. I, стр. 271.

Тамъ небеса безоблачно спокойны,
Тамъ чище воздухъ, тамъ невинный нравы!
Прекрасный тамъ цвѣтетъ любовь и жизнь!»

Стихи, напечатанные курсивомъ, въ печати не появлялись. Не пропущены также въ рукописи слова Агнесы въ явленіи 8: послѣ заявленія Ла-Гира:

«Судьба войны на нашей сторонѣ.
Дано сраженіе: мы побѣдили»,—

Агнеса говоритъ:

«Небесная Гармонія! Побѣда!»

Нѣтъ пропуска и въ рѣчи Іоанны, дѣйствіе I, явленіе 10. Въ рукописи послѣ словъ «Когда земной любви она не знаетъ», читаемъ:

«Какъ ты была я дѣвой непорочной
И мной Господь, Божественный рожденъ,
И я сама Божественною стала».

Слова Дюпуа (тамъ же) тоже переведены:

«Ея глазамъ, невинности прекрасной
Ея лица я вѣрю, а не чуду!»

Такимъ образомъ, предположеніе П. А. Ефремова, что «нѣкоторыя мѣста подлинника... можетъ быть исключены тогдашней цензурою»[1]), справедливо. Очень можетъ быть, что по требованію цензуры исключена и 4-ая строфа изъ «Гаральда», которой въ изданіяхъ нѣтъ и которая въ рукописи читается такъ:

Что сладко такъ приманчивъ гласъ?
Что душу всю мутитъ?
Что прижимается и льнетъ
Къ бойцамъ подъ твердый щитъ?

1) Соч. В. А. Жуковскаго, 8 изд., т. II, стр. 513. И. А. Бычковъ не соглашался съ этимъ предположеніемъ (Бумаги Жуковскаго, стр. 10).

Таковъ матеріалъ, заключающійся въ этомъ альбомѣ и цѣнный во всѣхъ отношеніяхъ. Что касается остальныхъ стихотвореній, то нужно замѣтить, что большинство изъ нихъ было или неизвѣстно въ рукописяхъ или извѣстно только въ черновикахъ, и съ ихъ редакціей необходимо считаться; но для удобства читателя варіанты и нѣкоторыя соображенія по поводу ихъ я выдѣляю въ особую главу.

II.

Одно изъ приведенныхъ выше стихотвореній («Напрасно я мечтою льстился») написано 17 сентября 1819 года. Въ этотъ же день Жуковскій хотѣлъ поднести гр. С. А. Самойловой альбомъ, но поднесъ его нѣсколько позже по причинамъ, которыя онъ самъ указываетъ. Этотъ альбомъ также сохранился. Онъ имѣетъ видъ толстой книги въ 16-ую долю листа съ золоченымъ обрѣзомъ, въ роскошномъ кожаномъ переплетѣ, на корешкѣ котораго напечатано: «Glaube, Liebe, Hoffnung», а внизу «II». Въ альбомѣ написано Жуковскимъ слѣдующее [1]):

«17 Сентября 1819.

«Вы позволили мнѣ сдѣлать вамъ подарокъ въ день вашего Ангела: я вздумалъ подарить васъ такою книгою, которая могла бы служить вамъ вмѣсто *руководства въ чтеніи другихъ книгъ* и добрымъ, вѣрнымъ товарищемъ на цѣлую жизнь. Книга, которую я для этого выбралъ, которой пользу *отчасти* знаю по собственному опыту (я прочиталъ ее въ первый разъ въ такое время, когда мнѣ былъ очень нуженъ ободрительный совѣтникъ), по своему *заглавію* прилична дню вашего Ангела, а по своему содержанію прилична вамъ. При ней Библія, необходимая для

1) Черновикъ написаннаго въ этомъ альбомѣ есть и въ рукописяхъ Имп. Публ. Библ. (Бумаги Жуковскаго, тетр. № 29, л. 26). Но онъ мѣстами неразборчивъ и кромѣ того не исчерпываетъ всего содержанія.

того, чтобы прочитать ее съ пользою: я выбралъ нѣмецкую для того, что авторъ ссылается всегда на библію нѣмецкую: вамъ легче будетъ отыскивать тѣ мѣста, на которыя онъ въ ней указываетъ. Приложенную же *бѣлую книгу* вы наполните *своимъ*. Я началъ ее нѣкоторыми собственными мыслями, которыя набросалъ безъ порядка и связи. Пусть будутъ онѣ здѣсь вмѣсто предисловія. Сіе ихъ достоинство состоитъ въ томъ, что онѣ могутъ возбудить ваши собственныя мысли и еще въ томъ, что онѣ произведены искреннимъ желаніемъ вамъ такого счастія, на которое имѣете право болѣе многихъ и которое можете найти легче многихъ: надобно только на него *посмотрѣть со вниманіемъ* и оно ваше».

Дальше подъ эпиграфомъ изъ Шиллера:

Wisset, ein erhabner Sinn
Legt das *Grosse* in das Leben
Und er *sucht es nicht* darinn.

набросаны слѣдующія мысли:

«Это *великое*, это *прекрасное* таится въ насъ самихъ, и жизнь дана для того, чтобы узнать его тайну: въ этомъ *узнаніи* вся ея цѣль; оно одно составляетъ прямое ея достоинство. Жизнь есть училище, въ которое душа входитъ младенцемъ, изъ котораго должна выйти возмужалою и созрѣвшею.

«Можно сказать, что вокругъ насъ ничто не существуетъ отдѣльно: все беретъ образъ души нашей; все ея отголосокъ; все оживляетъ она тѣмъ бытіемъ, которое въ ней самой таится.

«Мыслить, чувствовать — вотъ прямая (внутренняя) жизнь наша. Она *только обнаруживается* посредствомъ дѣйствія, которымъ, такъ сказать, мы связаны съ тѣмъ, что насъ окружаетъ. Чѣмъ болѣе совершенства въ мысляхъ и чувствахъ, тѣмъ лучше и вѣрнѣе наши дѣйствія. Если дадимъ себѣ первое, то послѣднее само собою будетъ ея послѣдствіемъ.

Счастіе жизни — красота души, непзмѣняющаяся посреди перемѣнчивыхъ случаевъ жизни.

«Съ каждою новою мыслію, съ каждымъ новымъ чувствомъ прибавляется къ душѣ нѣчто такое, чего въ ней еще не было. Это нѣчто становится ея вѣчною, неотъемлемою собственностію.

«Мысли и чувства, въ разное время посѣщавшія душу, сливаются въ ея сущность и составляютъ наконецъ ея величіе или низость, ея красоту или безобразіе. Такимъ образомъ можно сказать, что наша душа, отдѣльно, сама по себѣ существующая, есть въ то же время и произведеніе всего, что посредствомъ мысли и чувства вошло въ нее въ теченіе жизни: произведеніе болѣе или менѣе совершенное и *пріобрѣтеніе этого совершенства*, для коего единственно дана человѣку его земная жизнь, зависитъ отъ насъ самихъ. Провидѣніе есть только всемогущій нашъ *помощникъ:* оно только предлагаетъ намъ способы, только поддерживаетъ или усиливаетъ наше стремленіе; но пользоваться предлагаемыми способами, но повиноваться святому стремленію — это предоставлено намъ самимъ и здѣсь мы неограниченно свободны.

«Два способа пріобрѣтать сіе совершенство: *извлекать прекрасное изъ опытовъ жизни*; *извлекать прекрасное изъ самого себя*.

«*Опыты жизни* — здѣсь мы не иное что, какъ путешественники по землѣ Провидѣнія. Оно съ заботливою попечительностію окружаетъ насъ житейскими встрѣчами. Добро и зло, великое и малое, все есть его посланникъ, есть испытатель и слѣдовательно совершенствователь души нашей. Отъ насъ требуетъ оно только прекраснаго. Всякій случай жизни есть *средство* къ прекрасному: не наше дѣло вступаться въ распоряженіе сихъ случаевъ, въ критическій разборъ сихъ предлагаемыхъ намъ средствъ — мы должны и можемъ только *исполнять требованія* промысла. Скажу опять мы *не властны* въ выборѣ средствъ, то есть въ выборѣ тѣхъ случаевъ счастливыхъ или несчастныхъ, тѣхъ радостей или печалей, которыя должны посѣтить насъ въ жизни, — это дѣло Провидѣнія! Но мы *властны* во всякомъ случаѣ вслушаться въ одобрительный его голосъ, во всякомъ

случаѣ понять его высокое требованіе и свободно исполнить то, чего оно требуетъ. Опыты жизни, съ этой стороны разсматриваемые, представляются въ блескѣ величественномъ; жизнь въ этомъ случаѣ есть нѣчто святое и драгоцѣнное. Въ такомъ понятіи объ жизни заключается наша *твердость*, болѣе нужная въ мелкихъ, ежедневныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ легко забыться, нежели въ случаяхъ важныхъ, пробуждающихъ всю нашу душу и заставляющихъ ее вооружиться всѣми своими силами. — И такъ, при каждомъ представляющемся опытѣ жизни (въ этотъ разрядъ входитъ все; что *внѣ* насъ: и люди, насъ окружающіе, и вся необъятная природа) при каждомъ представляющемся опытѣ жизни спрашивать: *что прекраснаго можно извлечь изъ него?* Внутренній голосъ всегда откликнется на вопросъ нашъ. *Вслушаться и исполнить!* Душа сдѣлается выше, и мы на шагъ приближимся къ своему назначенію. Найденное прекрасное сдѣлается *нашимъ*. Свѣтлый фонарь загорится и не угаснетъ. А мы *впередъ!* чтобы зажечь новый, такой же неугасимый.

«*Извлекать прекрасное изъ самого себя*— быть съ собою, разбирать свою жизнь, свои обязанности, свое прошедшее и будущее, въ присутствіи строгаго свидѣтеля, *совѣсти*, въ присутствіи великаго ободрителя, *Бога*. Внутренность нашей души — безопасное, всегда вѣрное наше прибѣжище и въ счастіи и въ несчастіи. Кому знакомъ этотъ пріютъ, кому легко находить въ него дорогу, тотъ истинно независимъ; тотъ, смиренно покоряясь своей судьбѣ, никогда не будетъ ни рабомъ ея, ни жертвою. Внутренность души нашей — здѣсь наше владычество; въ это святилище впускаемъ мы однихъ только избранныхъ; все, что *внѣ* его, покорствуетъ судьбѣ; все, что *въ немъ*, то наше и независимо. *Быть съ собою* значитъ давать себѣ отчетъ въ томъ, каковы мы, что пріобрѣли въ теченіе прошедшей жизни своей, что можемъ и должны пріобрѣсти еще въ будущемъ. *Быть съ собою* значитъ давать бытію своему полноту и твердость, цѣнить и объяснять то, что насъ окружаетъ, отдѣляться отъ внѣшняго, чтобы знакомиться со внутреннимъ. Но быть съ собою можно

только въ *уединеніи*, въ которомъ, можно сказать, настоящая жизнь наша. Оно одно даетъ намъ необходимую свободу мыслить и чувствовать, въ него приносить ту добычу, которую собираемъ посреди свѣта, въ немъ пользуемся сокровищемъ, нами скопленнымъ, и въ немъ только узнаемъ истинную цѣну самой свѣтской жизни.

«Одинъ изъ дѣйствительнѣйшихъ способовъ *быть съ собою* есть *чтеніе*. Если чтеніе почитать только однимъ занятіемъ, однимъ лѣкарствомъ отъ скуки, то оно не иное что, какъ разсѣянность, принадлежащая къ безчисленному множеству мелочей, развлекающихъ нашу душу посреди свѣта. Но совсѣмъ напротивъ: чтеніе есть одна изъ *важнѣйшихъ нашихъ обязанностей*. Миллеръ говоритъ: Lesen ist nichts; lesen und denken — etwas; lesen, denken und fühlen — die Vollkommenheit [1]). Читать надобно съ тою же цѣлію, съ какою надобно жить, то есть для усовершенствованія души своей. Книги — идеальный свѣтъ посреди свѣта существеннаго. Но въ существенномъ мы зависимы отъ всего, что насъ окружаетъ; мы невластны ни выбирать, ни перемѣнять тѣхъ людей, съ коими насъ сводитъ судьба наша, мы непроизвольно принимаемъ тѣ впечатлѣнія, которыя даетъ намъ все окружающее насъ и отъ насъ независимое; мы свободны только *извлекать нравственное добро* изъ сихъ неподвластныхъ намъ впечатлѣній. Въ книгахъ напротивъ! въ нихъ, можно сказать, повторяется тотъ же міръ и съ тѣми же впечатлѣніями, но здѣсь мы уже *властны въ выборѣ*; здѣсь можемъ окружать себя только тѣмъ, что сходно съ нашею цѣлію, что близко нашей душѣ, что можетъ ее возвысить и усовершенствовать. Съ книгою въ рукѣ, не сходя съ мѣста, мы прикликаемъ къ себѣ все, что есть, было и можетъ быть прекраснаго въ природѣ и это *все* единственно для того, чтобы *присвоить* его душѣ, чтобы дать ей достоинство для счастія и несчастія, чтобы освѣтить передъ нею здѣшнюю жизнь, чтобы ее приготовить для жизни будущей, вѣрной,

1) Это изреченіе Жуковскій приводитъ и въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (К. К. Зейдлицъ. «Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго.» Спб. 1883, стр. 78).

хотя и непзвѣстной. Чтеніе въ этомъ смыслѣ есть *дѣятельность высокая, одно изъ твердѣйшихъ основаній нашей нравственности.*

«*Чтеніе для женщины* не то, что *чтеніе для мужчины.* Кругъ мужчины обширный и многообъемлющій. Сверхъ общей цѣли человѣчества, *нравственнаго образованія*, онъ можетъ имѣть и множество другихъ, особенныхъ, какъ человѣкъ государственный, какъ ученый и прочее. Кругъ женщины ограниченный. Въ него входитъ одно только *просто человѣческое.* Ей нужно только пріобрѣсти то, что̀ на нѣмецкомъ языкѣ такъ прекрасно называется Weiblichkeit и для чего нѣтъ еще выраженія въ языкѣ нашемъ. Въ этомъ словѣ я вижу всю прекрасную жизнь женщины: простоту, неискуственность глубокаго чувства, просвѣщеннаго знаніемъ; знакомство со всѣмъ, что есть лучшаго въ природѣ и въ обществѣ; богатство свѣдѣній не для блеска, но для скромнаго внутренняго наслажденія, для мирнаго, я бы сказалъ, *стыдливаго* сіянія посреди немногихъ, ей принадлежащихъ любовію. Женщина создана для семейства — въ немъ ея дѣятельность, чистая, всегда полезная, всегда благодатная! Въ свѣтѣ она должна только находить минутный отдыхъ и то для одного разнообразія, для живѣйшаго почувствованія цѣны прямого, ею одною творимаго счастія. Ей нужны только тѣ знанія, которыя могутъ быть *полезны въ тѣсномъ кругу домашнихъ*; она въ выборѣ ихъ должна ограничить себя однимъ только *лучшимъ* и это лучшее должна она перелить въ свою душу, дабы нравственнымъ добромъ, ею пріобрѣтеннымъ, счастливить *немногихъ избранныхъ.* Чтеніе для мужчины весьма часто бываетъ скучною, утомительною работою, чтеніе женщины всегда можетъ быть чистымъ наслажденіемъ, и за сіе наслажденіе получаетъ она еще награду: *усовершенствованіе нравственное*, то именно, что составляетъ цѣль бытія человѣческаго.

«Итакъ, въ короткихъ словахъ: читать одно *лучшее* и читать *не для разсѣянія*, а для того, чтобы чтеніемъ *дополнять уроки жизни;* очистить и возвысить душу, дать мыслямъ ясность, поря-

докъ и полноту; яснѣе постигнуть свою цѣль и безпрестанно усиливать свое къ ней стремленіе; читать не много, но много *мыслить*, дабы чужое обратить въ собственное. Читать въ нѣкоторомъ *порядкѣ*».

«Маленькая книжка, которую здѣсь прилагаю, можетъ быть прекраснымъ основаніемъ чтенія въ такомъ смыслѣ. *Вѣра*, *любовь*, *надежда*, а сказать однимъ словомъ, высокая *мудрость* — это цѣль жизни; таково содержаніе этой книжки. Въ ней мало для чтенія, зато много для размышленія. Въ ней приведено въ одинъ ясный порядокъ все то, что заключается въ разныхъ книгахъ святого писанія. — *Религія истинная и нравственное совершенство одно и то же:* кто возвышаетъ душу свою, тотъ сближается съ Богомъ. Къ этому *все* должно вести насъ въ жизни — и *всѣ* другія книги должны быть для васъ только дополненіемъ *этой*. Сперва прочитать ее, но, чтобы прочитать какъ должно, надобно выписать изъ библіи всѣ тѣ мѣста, на которыя ссылается авторъ, и точно въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ назначилъ: такимъ образомъ, все существенное святаго писанія, то именно, что̀ можетъ быть всегда примѣнено къ дѣятельной жизни, будетъ для васъ соединено въ одно порядочное цѣлое. Этой работы будетъ надолго: положите себѣ за правило каждый день *наполнить одну страницу выписками*, этого довольно: день не будетъ потерянъ. Когда всѣ выписки кончатся, то перечитать книжку *вмѣстѣ съ ними* — это окончательное чтеніе все возобновитъ въ мысляхъ и все приведетъ въ порядокъ. Но эти выписки не займутъ *всей* этой бѣлой книги, останется большая половина ея бѣлою: она для *дополненій*. Что найдете въ другихъ книгахъ прямо прекраснаго, такого, что можетъ быть годно для *зажженія свѣтлаго фонаря*, то записывайте сюда; но еще болѣе записывайте то, что придумаете сами; вамъ не будетъ недостатка въ прекрасныхъ мысляхъ и чувствахъ. Такимъ образомъ, эта книжка, данная вамъ въ минуту сердеч-

наго желанія вамъ добра, въ минуту надежды, что это желаніе сбудется, эта книжка будетъ современемъ заключать въ себѣ сокровище *добраго* и *прекраснаго*, будетъ повѣреннымъ и свидѣтелемъ вашей жизни, доброму и прекрасному посвященной. А я повторю здѣсь сказанное прежде [1]):

Я вѣрю — ваше сердце встрѣтитъ
Прямую прелесть жизни сей,
И рядъ веселыхъ фонарей
Дорогу вашу всю освѣтитъ.
Пусть друга-Ангела рука
Ихъ зажигаетъ передъ вами...
А я, хотя *издалека*
За вами слѣдуя глазами,
Васъ буду сердцемъ провожать
И благодарно ихъ считать.

«P.S. *7 октября.* Написавши все это, я былъ нѣсколько времени въ нерѣшимости, отдавать-ли вамъ мою книгу или нѣтъ. Признаюсь въ слабости: *ложный стыдъ* меня удерживалъ. Дарить Библіею осьмнадцатилѣтнюю дѣвушку, утомлять ея вниманіе совѣтами... я посмотрѣлъ на себя глазами свѣта и показался смѣшнымъ самому себѣ. И въ этомъ я *виноватъ* передъ вами. Въ чистотѣ и безкорыстности моего намѣренія заключено и его оправданіе. Могу быть страннымъ, только не въ вашихъ глазахъ. Если еще не имѣю права сказать: *я знаю васъ!* то могу сказать: *я васъ предчувствую!* то есть, я вижу васъ *такою*, какою вы быть можете, въ увѣреніи, что мое предчувствіе сбудется. Эта надежда оправдываетъ и мой выборъ. Къ тому же я и не безъ награды: *помыслить вслухъ для васъ и вмѣстѣ съ вами о добромъ есть счастіе.* Вы *не должны* жить, какъ живутъ обыкновенно; жизнь ваша должна быть *прекрасною*, а все прекрасное жизни можно выразить однимъ словомъ: *религія!* (изъ этого по-

1) См. напечатанное выше стихотвореніе «Напрасно я мечтою льстился».

нятія исключается все, что̀ есть суевѣріе, все, что̀ выдумано слабымъ невѣжествомъ; религія—сближеніе съ Божествомъ посредствомъ мысли, чувства, долга!). Чѣмъ ранѣе этотъ товарищъ присоединится къ жизни, тѣмъ она яснѣе, счастливѣе, выше—и чтеніе съ выборомъ, съ порядкомъ, съ постоянствомъ есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ произвести это товарищество. Религія, необходимая человѣку вообще, для женщины въ особенности служитъ самымъ надежнымъ помощникомъ: она беретъ для нея характеръ нѣжнѣйшій, ея особенному характеру болѣе соотвѣтствующій; она теряетъ для нея все метафизическое, отвлеченное и обращается въ глубокое, ясное, животворное чувство, которое убѣдительнѣе всякаго умозрѣнія; она оживляетъ для нея ея должности и даетъ ей сладостную твердость для мелкихъ, ежедневныхъ пожертвованій, которымъ женщина, по своему положенію въ свѣтѣ, безпрестанно бываетъ подвержена. Чѣмъ ранѣе войдетъ она въ ея жизнь, тѣмъ жизнь ея сдѣлается вѣрнѣе и безопаснѣе, тѣмъ изобильнѣе будетъ она истинными, неперемѣнчивыми наслажденіями. Мы почти на каждомъ шагу встрѣчаемъ женщинъ, которыя, посвятивъ свѣжую свою молодость легкомысленной разсѣянности свѣта, истощивъ ею лучшія свои чувства, передаются религіи въ такое время, когда свѣтъ покидаетъ ихъ: но этотъ переходъ принужденный! Онѣ приносятъ усталую душу въ святилище, съ ними входитъ туда сожалѣніе о томъ, что̀ для нихъ невозвратно потеряно, и небесное дѣлается для нихъ насильственною, слѣдовательно, неудовлетворительною замѣною земнаго, все еще любезнаго, хотя уже имъ давно чуждаго. Онѣ добровольныя изгнанницы, тоскующія втайнѣ по отчизнѣ, ими покинутой. И по большей части ихъ запоздалая религія бываетъ соединена съ нетерпимостію (intolerance) и съ суевѣріемъ, недостойнымъ души человѣческой. Небесное должно быть съ земнымъ неразлучно: не уничтожая его, оно только его освящаетъ! Это два товарища, ведущіе насъ къ одной и той же цѣли. Не въ позднее осеннее время жизни, но въ первой молодости весенней, когда душа еще *въ цвѣту*, должны мы познакомиться съ рели-

гіей. Она не противна свѣту, не требуетъ затворничества; напротивъ, она очищаетъ и еще болѣе усиливаетъ всѣ наши житейскія связи. Но узнанная въ молодости, безъ принужденія, а по естественному стремленію души, она обращается въ ея сущность, становится радостнымъ, безмятежнымъ *бытіемъ внутреннимъ въ отношеніи къ намъ самимъ* и дѣятельною *любовію въ отношеніи ко всему, что насъ окружаетъ*. И такая только жизнь можетъ быть *вамъ* прилична. Теперь ваша душа *въ полномъ цвѣту!* Съ запасомъ прекрасныхъ качествъ (способовъ счастія) стоите вы у начала дороги, ведущей въ обѣтованную землю; какъ не пожелать, чтобы вы пошли по ней, окруженныя всѣми прямыми, достойными васъ благами жизни! Наша душа, какъ магнитъ, имѣетъ притягательную силу для всего прекраснаго (но она можетъ имѣть и силу отрицательную, какъ тотъ же магнитъ). Этой притягательной силы въ душѣ вашей много! Давайте ей пищу: все прекрасное прильнетъ къ ней само собою» [1]).

---

1) Въ этотъ альбомъ вложенъ еще отдѣльный листокъ съ совѣтами относительно чтенія: «Сперва прочитать книжку, не отыскивая въ Библіи тѣхъ мѣстъ, которыя въ книжкѣ назначены, а просто для того, чтобы получить одно общее понятіе о томъ, что̀ говоритъ авторъ. Потомъ начать дѣлать выписки: довольно одной страницы на день. Потомъ перечитать книжку съ выписками изъ Библіи. Это будетъ полный курсъ христіанской нравственности. Всякое другое чтеніе только дополненіе этого. Нѣкоторыя книги просто для удовольствія, но удовольствіе чистое принадлежитъ къ нравственности. Чтобъ дѣлать выписки, надо имѣть всѣ три книги передъ собой. Сперва заглянуть въ книжку, записать параграфъ, № и ту книгу и стихъ изъ Библіи, которыя назначены авторомъ; потомъ пріискать ихъ въ Библіи и выписать; для большей легкости отыскиванія я вклеилъ пергаментныя кусочки въ Библію, на которыхъ выставлены вполнѣ заглавія тѣхъ книгъ, которыя въ книжкѣ назначены сокращенно; кончивъ одну выписку, опять заглянуть въ книжку, выписать параграфъ, № и пр., опять пріискать въ Библіи и выписать и такъ далѣе: такой порядокъ облегчитъ работу. Работы же этой будетъ надолго, если выписывать не болѣе страницы въ день. Думаю, что лучше вмѣсто обыкновенныхъ нѣмецкихъ буквъ писать французскими и какъ можно мельче, дабы уписать болѣе и послѣ имѣть менѣе труда при чтеніи. Переводъ Библіи Лютеровъ; языкъ нѣсколько старинный, но переводъ прекрасный, лучшій изъ всѣхъ. Чего нельзя будетъ понять, справляться съ французскимъ переводомъ». Слѣдуетъ объясненіе сокращеній, напр. 1 Mose... Das 1 Buch Mose и т. д. «Я думаю, лучше начать выписки съ 3 главы Ich kenne Ihn, вторая заключаетъ въ себѣ одно историческое, слѣдующія — *христіанскую нравственность*». Слѣдуетъ образецъ, какъ выписывать.

Эти строки [1]) драгоцѣнны, такъ какъ даютъ яркую картину нравственнаго міросозерцанія Жуковскаго и показываютъ, что настроеніе, которымъ отмѣчены его послѣднія произведенія, сложилось «не въ позднее осеннее время жизни, но въ первой молодости весенней». Драгоцѣнны онѣ и для біографа, который задастъ вопросъ, какимъ чувствомъ онѣ навѣяны, дружбой-ли къ дѣвушкѣ, обаятельной по своимъ нравственнымъ качествамъ, или любовью, подававшей Жуковскому надежду «зажечь свой фонарь» послѣ трагической развязки его отношеній къ М. А. Протасовой. Не имѣя точныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса, я выскажу только нѣсколько соображеній.

Послѣднія стихотворенія, записанныя Жуковскимъ въ альбомъ, который онъ подарилъ гр. С. А. Самойловой, «Къ кн. А. Ю. Оболенской» и «Къ ней же» [2]) относятся къ іюлю 1820 года. Вслѣдъ за ними помѣщено посланіе къ В. А. Перовскому: «Товарищъ, вотъ тебѣ рука!», переписанное уже рукою С. А. Самойловой и датированное *23 іюля 1820 года*. Въ этомъ по-

1) Въ черновикѣ (Имп. Публ. Библ., бумаги Жуковскаго, тетр. № 29, л. 29) есть еще продолженіе. Говоря о Франклинѣ, Жуковскій указываетъ, что онъ «умѣлъ найти то счастіе, которое должно принадлежать всякому человѣку и которое состоитъ *въ спокойствіи внутреннемъ*, основанномъ на увѣреніи, что жизнь употреблена какъ должно, на добро и пользу себѣ и другимъ. Въ своихъ запискахъ изъясняетъ онъ для насъ, какимъ средствомъ дошелъ онъ до этого нравственнаго совершенства. Выписываю для васъ все это мѣсто»... Выписки нѣтъ, а вслѣдъ за этимъ написано: «Вы спросите меня, для чего я это выписалъ... но я надѣюсь, что вы и не спросите, а сами себѣ скажете, для чего! У меня сидитъ въ головѣ мысль, что вамъ надобно быть *совершенною*; желаніе и надежда, что вы должны сдѣлаться совершенною, есть мой сердечный товарищъ. Природа съ своей стороны дала вамъ все для этого нужное; остальное зависитъ отъ вашей доброй воли. Если бы все, что здѣсь написано, были однѣ только выдумки»... На этомъ черновикъ кончается.

2) Въ этомъ стихотвореніи Жуковскій, между прочимъ, рисуетъ идеалъ жены. Заканчивается оно такъ:

«Кое-какъ буду путь опасной,
Судьбѣ отдавшись, продолжать!
Беречь свой челнъ отъ потопленья
Среди невѣрной глубины,
И терпѣливо доставленья
Ждать мнѣ обѣщанной жены».

сланіи, проникнутомъ элегическимъ тономъ, читаемъ слѣдующія строки:

«Товарищъ, вотъ тебѣ рука!
Ты другу во время сказался;
Къ любви душа была близка:
Уже въ ней пламень загорался,
Животворитель бытія,
И жизнь отцвѣтшая моя
Надеждой снова зацвѣтала;
Опять о счастьѣ мнѣ шептала
Мечта, знакомецъ старины...
Прелестно-быстрое видѣнье,
Давно не посѣщавшій другъ,
Меня внезапно навѣстило,
Меня внезапно уманило
На первобытный жизни лугъ.
Любовь мелькнула предо мною;
Съ возобновленною душою
Я къ лирѣ бросился моей,
И подъ рукой петерпѣливой
Бывалый звукъ раздался въ ней:
И мертвое мнѣ стало живо,
И снова на бездушный свѣтъ
Я оглянулся какъ поэтъ.
Но удались, мой посѣтитель,
Не у меня тебѣ гостить;
Не мнѣ о жизни возвѣстить
Тебѣ, святой благовѣститель!»

Эти стихи, несомнѣнно, имѣютъ автобіографическое значеніе, и если дата 23 іюля 1820 года вѣрна, то они легко могутъ быть приписаны отношеніямъ Жуковскаго къ Самойловой. 23 іюля помѣчено это стихотвореніе и въ «Русскомъ Архивѣ» [1]),

1) 1878 г., II.

хотя годъ не указанъ. Между тѣмъ по рукописямъ Публичной Библіотеки можно думать, что стихотвореніе начато 10 іюля [1]), а цѣликомъ написано 2 августа *1819* года. Такимъ образомъ, время точно неизвѣстно, и, въ виду біографической важности этого стихотворенія, представляются интересными слѣдующіе два вопроса: 1) къ 1819 или 1820 году относится посланіе къ Перовскому? 2) если оно относится къ 1819 году, судя по рукописямъ Публичной Библіотеки, то чѣмъ объяснить дату 23 іюля 1820 года въ альбомѣ гр. Самойловой и 23 іюля-же въ «Русскомъ Архивѣ»? Во всякомъ случаѣ, хотя мы и не можемъ пока рѣшить, относится ли посланіе къ 1820 году или нѣтъ, однако въ нашихъ рукахъ есть еще намеки на то, что между гр. Самойловой и Жуковскимъ лѣтомъ 1820 года было какое-то объясненіе. 21 сентября 1820 года Нелединскій-Мелецкій пишетъ: «Жуковскій очень утѣшается тѣмъ, что ѣдетъ путешествовать», а 8 октября даетъ уже болѣе обстоятельный разсказъ о Жуковскомъ: «При отъѣздѣ моемъ Жуковскій, какъ сказывали мнѣ, объяснялся съ Г. С. [2]). — Въ бытность твою здѣсь, ты знала, что считали его въ нее влюбленнымъ. Онъ ей сказалъ, что отъѣзжаетъ съ сожалѣніемъ о томъ, что исканію его дружбы ея она не отвѣтствовала, и изъявленіе *его къ ней дружбы* приписала, какъ видно, другому чувствованію, которое, впрочемъ, внушить она всѣхъ болѣе можетъ. Какъ доведено было до этого и что далѣе имъ было сказано, не знаю; но на эти слова, она, сказываетъ, — молчала и будто показались у ней на глазахъ слезы. Какъ ты это растолкуешь? По мнѣнію К. И. [3]), отъ которой я это слышалъ, — онъ это говорилъ для того, что боится слыть влюбленнымъ: il craint extrêmement d'être ridicule. — А буде она подлинно плакала, то мнѣ кажется отъ досады. — И подлинно: какъ? Человѣкъ приходитъ женщинѣ сказать: не подумай, ради Бога, чтобъ я въ тебя былъ влюбленъ!!» [4]). При-

1) См. набросокъ первыхъ 9 стиховъ (бумаги Жуковскаго, № 29, л. 13).
2) Очевидно, гр. Самойловой.
3) Вѣроятно, Е. И. Нелидовой.
4) Хроника недавней старины. Изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. Спб. 1876, стр. 241—242.

помнимъ при этомъ, что въ концѣ ноября 1820 года гр. Самойлова сдѣлалась невѣстой гр. А. А. Бобринскаго. Въ записяхъ Жуковскаго, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ, имя графини Самойловой съ этого времени встрѣчается только одинъ разъ. 23 декабря 1820 года онъ пишетъ: «У гр. Шуваловой: письмо Самойловой» [1]). Все это позволяетъ предполагать, что прежнія дружескія отношенія между ею и Жуковскимъ были на нѣкоторое время нарушены. Въ виду этого, особенный интересъ пріобрѣтаетъ одно письмо Жуковскаго къ гр. Софіи Александровнѣ, сохраненное гр. А. А. Бобринскимъ: «Посылаю вамъ, графиня, извѣстную бумагу, которую прочтите, подпишите и возвратите мнѣ. Подпишите тамъ, гдѣ другія дамы подписались; надъ своею подписью я оставилъ мѣсто для князя Александра Николаевича Голицына. Благодарю васъ за деньги; онѣ отданы мною нашему кассиру, пастору Мюральту. А я здѣсь подписуюсь

Какъ вы сказали: *старый другъ!*
Животворительное слово!
Имъ жизнь помолодѣла вдругъ,
Имъ и все *старое* какъ будто стало *ново*» [2]).

— Вотъ весь матеріалъ, который позволяетъ дѣлать догадки, но не опредѣленные выводы.

Кромѣ указанныхъ уже рукописей, заключающихъ въ себѣ безусловно важный матеріалъ, въ библіотекѣ гр. Бобринскихъ сохранилось еще въ отдѣльномъ видѣ «Циркулярное посланіе»,

---

1) Бумаги Жуковскаго № 3 (в).

2) Къ сожалѣнію, я не могу опредѣлить, къ какому времени относится это письмо. Пасторъ Мюральтъ, упоминаемый здѣсь, очевидно, Муральтъ, извѣстный реформатскій пасторъ, содержатель славнаго въ свое время пансіона въ Петербургѣ. Муральтъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ. По крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ писемъ его 1827 года къ роднымъ читаемъ: «Mit dem Gouverneur des Thronfolges, Oberst Mörder, und dem Studiendirektor, dem Dichter Shukowski, lebe ich in vertrauten Verhältnissen»... (Iohannes von Muralt. Eine Pädagogen-und Pastoren-Gestalt der Schweiz und Russlands, von Dalton. Wiesbaden, 1876. S. 147).

приведенное выше, вмѣстѣ съ конвертомъ, на которомъ слѣдующая надпись:

«Циркулярное посланіе
къ чувствительнымъ сердцамъ,

въ которомъ изображается горестное состояніе нѣкотораго стихотворца, принужденнаго употребить собственныя 2 ноги для путешествія въ жаркое время на званый обѣдъ и желающаго перемѣнить сіе горестное состояніе на радостное, дабы роскошно прокатиться въ императорской линейкѣ и услаждаться дорогою, въ ожиданіи земного обѣда, небеснымъ завтракомъ разговора съ любезными граціями двора Ихъ Императорскихъ величествъ и высочествъ XXX.

Въ тетради, которая заключаетъ въ себѣ это посланіе и конвертъ, находится еще слѣдующее письмо Жуковскаго съ надписью «Ея Сіятельству Графинѣ Софьѣ Александровнѣ Самойловой»:

«Графиня, будьте вы спокойны!
Счастливцы-рыцари, которыхъ жребій васъ
Такъ нѣжно занималъ, здоровы въ добрый часъ
И быть здоровыми достойны
За то, что въ васъ могли участье возбудить.
Пріятно умереть, слыхалъ я, на дуэли.
Но тотъ, о комъ бы вы минуту пожалѣли,
Тотъ долженъ жизнью дорожить»[1]).

---

1) Эти стихи есть и въ рукописяхъ Жуковскаго, принадлежащихъ Публичной Библіотекѣ (№ 29, л. 19).

III.

Въ заключеніе привожу варіанты извѣстныхъ уже въ печати стихотвореній Жуковскаго. Это матеріалъ громоздкій, но лучше заслужить упрекъ въ излишней точности, чѣмъ въ томъ, что «мы лѣнивы и нелюбопытны».

Рукопись [1]).

Голосъ знакомаго мимопролетѣвшаго генія [2]).

Зачѣмъ опять *манишь* къ обѣтованной
Про милую надежду ей *пѣвалъ*
Гдѣ лугъ душистъ, гдѣ воды *сладкогласны*
Томительной унылостью влеталъ,
Ее тѣснилъ *таинственнымъ* желаньемъ
Во *дни* утратъ, во *дни* печали тайной,
Не ты-ль всегда *ея бесѣдой* былъ
Илъ тихою надеждою сулилъ
Или *одной* мечтой лишь поманишь.

17 августа 1819 [3]).

Свой первый шагъ житейскій совершп

---

1) Сочиненія. Изданіе 9.

Къ мимопролетѣвшему генію.

Зачѣмъ опять *влечешь* къ обѣтованной
Про милую надежду ей *шепталъ*
Гдѣ лугъ душистъ, гдѣ воды *свѣтлоясны*
Таинственной унылостью влеталъ,
Ее тѣснилъ *томительнымъ* желаньемъ
Въ *часы* утратъ, въ *часы* печали тайной,
Не ты-ль всегда *бесѣдой сердца* былъ
И тихою надеждою сулилъ
Или *опять* мечтой лишь поманишь.

Праматерь внукѣ.

Твой первый шагъ житейскій соверши

2) Ср. бумаги Жуковскаго въ Публ. Библ. № 15, л. 10, № 29, об. л. 21.

3) Ср. тамъ-же, № 29, л. 20. За исключеніемъ «прими-жъ ее» редакція сходна съ рукописью гр. Бобринскаго.

Тебя явить предъ *тайнымъ* провидѣньемъ
Ты ждешь земли недавній *уроженецъ*
Съ младенчески-*спокойною* душой
И *входъ въ него отверстъ* передъ тобой
Здѣсь родина прекрасная твоя
Сюда *неси* покорно и смиренно
Все то, что жизнь тебѣ ни удѣлитъ
Прими ее, божественный хранитель.

Ländler-gras [1]).

Донынѣ ты съ непышной красотой
Въ твоихъ листахъ вся жизнь *протекшихъ* лѣтъ
Въ нихъ *тайное* цвѣтетъ воспоминанье;
И вѣетъ въ нихъ давнишняго привѣтъ
Отжившее *предъ нами* оживало
Сія небесъ вечернихъ *красота*
И ободрялъ на благо *милый* гласъ
Они еще *скрывались* въ оный часъ
И жизнь *предъ* нимъ какъ легкій вѣетъ сонъ
Его предавъ безпечному веселью
Веселое младенчество промчится,

Тебя явить предъ *вѣчнымъ* провидѣньемъ
Ты ждешь, земли недавній *урожденецъ*
Съ младенчески-*невинною* душой
И *здѣсь его престолъ* передъ тобой
Прекрасная отчизна здѣсь твоя
Сюда *иди* покорно и смиренно
Со всѣмъ, что жизнь тебѣ ни удѣлитъ
Прими жъ ее, божественный хранитель.

Цвѣтъ завѣта.

Досель ты съ непышной красотой
Въ твоихъ листахъ вся жизнь *минувшихъ* лѣтъ
Въ нихъ *милое* цвѣтетъ воспоминанье;
Съ нихъ вѣетъ мнѣ давнишняго привѣтъ
Отжившее *намъ снова* оживало
Сія небесъ вечернихъ *чистота*
И ободрялъ на благо *тихій* гласъ
Они еще *таились* въ оный часъ
И жизнь *надъ* нимъ какъ легкій вѣетъ сонъ
Безпечному предавъ его веселью
Младенчества веселый сонъ промчится,

1) Неразборчивый черновикъ тамъ-же, № 29, об. л. 1.

Житейское разоблачатъ лѣта
Услышитъ онъ возвышенныя вѣсти.

Къ К. Вяземскому [1]).

О другъ, *въ твоей душѣ моя мнѣ* отозвалась
И мнѣ вожатымъ быть *надежда отказалась*
Смѣнилъ блестящія *мечтательнаго* краски
Однообразный жизни цвѣтъ
Изъ-подъ обманчиво-*смѣявшіяся* маски
И тщетно мы хотимъ призвать воспоминанье.

Эпитафія.

На мѣстѣ семъ судьба разрознила нашъ кругъ
Чтобъ встрѣтить съ торжествомъ *прекрасный* часъ свиданья.

Пловецъ.

Первой строфы помѣщенной въ 9 изд., нѣтъ.

Вотъ примѣръ! *Безъ страха* въ свѣтъ!
Мнѣ, чѣмъ другимъ, опасна.

Разоблачатъ житейское лѣта
Дойдутъ къ нему возвышенныя вѣсти.

Отвѣтъ кн. Вяземскому на его стихи: «Воспоминаніе».

О другъ, *въ твоемъ мое мнѣ сердце* отозвалось
И мнѣ вожатымъ быть *желанье отказалось*
Смѣнилъ блестящія *мечтательныя* краски
Однообразной жизни цвѣтъ
Изъ-подъ обманчиво-*смѣющіяся* маски
На что-же, другъ, хотѣть призвать воспоминанье.

Надгробіе И. П. и А. И. Тургеневымъ.

Судьба на мѣстѣ семъ разродила нашъ кругъ
Чтобъ встрѣтить съ торжествомъ *великій* часъ свиданья.

Стансы.

Вотъ примѣръ! *Безпечно* въ свѣтъ!
Меньше, чѣмъ другимъ, опасна.

1) Въ изданіяхъ это стихотвореніе отнесено неправильно къ 1823 г. Вѣдь всѣ приводимыя здѣсь стихотворенія записаны были Жуковскимъ въ альбомъ въ промежутокъ времени отъ августа 1819 до іюля 1820 г.

Эпитафія Мими [1]).

Веселыя природы гость мгновенный
Онъ образцемъ былъ дружбы неизмѣнной
Мими игралъ и *жизнь* любилъ и пѣлъ
Но вѣрный другъ изъ *свѣта* улетѣлъ.

Жизнь и ея Ангелъ (сонъ).

Были *свѣжіе* луга
Милый ангелъ при тебѣ [2]).

10 *сентября.*

Павловскъ. 29 іюня 1819 [3]).

Не знаю, *да и* радъ, признаться, что не знаю
Здѣсь *въ безопасномъ я углу* воображаю
Все то, что было мнѣ описано отъ васъ
Всемірнаго успокоенья
Съ какою прелестью *на дремлющихъ брегахъ*
Какъ онъ сквозь вѣтви липъ на *зелень* пробирался

Чижикъ.

Прекрасныя природы гость мгновенный
Примѣромъ былъ онъ дружбы неизмѣнной
Мими игралъ и *жить* любилъ, и пѣлъ
Но вѣрный другъ изъ *міра* улетѣлъ.

Жизнь (видѣніе во снѣ).

Были *зелены* луга
Добрый спутникъ при тебѣ.

10 *августа.*

Платокъ гр. Самойловой.

Не знаю, *даже* радъ, признаться, что не знаю
Здѣсь *безопасно я все то* воображаю,
Что такъ прекрасно мнѣ описано отъ васъ
Вечернюю успокоенья
Съ какою прелестью *по дремлющимъ брегамъ* *)
Какъ онъ сквозь вѣтви липъ на *землю* пробирался

1) Ср. тамъ-же, № 29, л. 20. Редакція совпадаетъ съ рукописью гр. Бобринскаго.

2) Этотъ стихъ, какъ и заглавіе, измѣненъ, вѣроятно, по требованію цензуры, такъ какъ въ рукописяхъ Публичной Библіотеки (№ 15 л. 92, № 29 л. 22) онъ читается такъ же, какъ въ рукописи гр. Бобринскаго.

3) Ср. тамъ же № 29, л. 6 (неразборчивый черновикъ) и № 15, л. 92 (писано не Жуковскимъ).

* Въ рукописи гр. Бобринскаго сначала было такъ же, но потомъ исправлено.

И даже въ *лодку* къ вамъ сажусь
Любуюсь, какъ онѣ кругомъ руля играютъ
Неизбѣжимо *бы со мною совершился*
Себя забывъ, я кинулся бъ въ пучину
Пугалъ на днѣ морскомъ балладами Ундину
Пускай бы *каждый* часъ я могъ имъ любоваться
Такой бы выдумкой платокъ мой не пропалъ,
Да всѣ бы вдругъ моря мой вызовъ взбунтовалъ.
Сплылось бы все ко мнѣ: изъ темныя конурки
Явились бы: и китъ съ огромными усами
Не съ тѣмъ, чтобы ловить, а только чтобъ пугать
Хотя *грозилася* на жизнь пѣвца пучина
Сквозь тучи на него сіяютъ небеса
И это въ самомъ дѣлѣ такъ
Тотъ самый, что въ Москвѣ графиня Катерина
Красавица, *на берегахъ* Гадеса
Принцесса же, умомъ другая *Рокелана*
И не предстанетъ *ей*
Алжирскій витязь нашъ терять не станетъ словъ
Съ *плѣненныхъ* христіанъ, и *кликнулъ* кличъ военный
Платокъ красавицы, ко *древку* пригвожденный

И даже въ *шлюпку* къ вамъ сажусь
Любуясь, какъ онѣ кругомъ руля играютъ
Неизбѣжимо *бъ совершился*
Забывъ себя, я бросился бъ въ пучину
На днѣ морскомъ пугалъ балладами Ундину
Пускай бы *всякій* часъ я могъ имъ любоваться
Тогда бы для меня платокъ мой не пропалъ,
Зато бы всѣ моря мой вызовъ взбунтовалъ.
Стеклось бы все ко мнѣ: изъ темныя конурки
Явился бы и китъ съ огромными усами
И не ловилъ бы ихъ, а только бы пугалъ
Хотя *ярилася* на жизнь пѣвца пучина
И на него изъ тучъ сіяютъ небеса
И въ самомъ дѣлѣ это такъ
Тотъ самый, что въ Москвѣ графиня Катерина *(pour la rime)*
Красавица, *у береговъ* Гадеса
Принцесса же, умомъ другая *Роксолана*
И не предстанетъ *къ ней*
Алжирецъ храбрый нашъ не будетъ тратить словъ
Съ *несчастныхъ* христіанъ, и *крикнулъ* кличъ военный
Платокъ красавицы, ко *древу* пригвожденный

И славно совершивъ святой любви завѣтъ
И здѣсь легко придумать намъ развязку
Первостепенная *въ собраніи* кометъ
Увидимъ мы другія.

Больной покинутый поэтъ...

Болѣзнь *упрямая* мѣшаетъ
Въ глаза *онъ не видалъ* клубники [1])
Простуду съ *желчною* горячкой [1])

8 *іюля.*

Заглавія нѣтъ.

Намъ слышно, каждое чувство.

Къ графинѣ Шуваловой (послѣ ея дебюта въ роли мертвеца) [2]).

Какая *мрачная* обнова
Дворцовый этотъ уголокъ
Явилось *страшное* видѣнье
Ужасный призракъ гробовой
Съ веселымъ *юности* лицомъ

Свершивъ со славою любви святой завѣтъ
Не трудно угадать развязку
Первостепенная *изъ всѣхъ другихъ* кометъ
Настанутъ намъ другія.

Больной покинутый поэтъ...

Болѣзнь *упорная* мѣшаетъ
Въ глаза *не видывалъ* клубники
Простуду съ *желтою* горячкой.

8 *іюня.*

Къ ней.*)

Имъ слышно, каждое чувство.

Къ графинѣ Шуваловой.

Какая *страшная* обнова
И этотъ тихій уголокъ
Явилось *грозное* видѣнье
Унылый призракъ гробовой
Съ веселымъ *прелести* лицомъ

1) Въ рукописи Публичной Библіотеки (№ 29, об. л. 5) читается такъ же. Ср. тамъ же № 15, л. 83.

2) Ср. тамъ же, № 15, л. 89 (почеркъ не Жуковскаго) и № 29, об. л. 14.

*) Есть тамъ же, № 15, об. л. 10.

Изъ тьмы *увядшимъ* мертвецомъ
Но вдругъ, *убивъ* воображенье,
И я *узналъ* свою ошибку
Свободно начали дышать.

24 іюля Павловскъ.

Въ послѣднихъ 4 стихахъ этого стихотворенія слова: вы, сердцѣ, головы — подчеркнуты.

Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди [1]).

На кровлѣ вранъ печально прокричалъ...
Старушка слышитъ и блѣднѣетъ.
Печальну вѣсть ей черный вранъ сказалъ:
Надъ ней часъ смерти тяготѣетъ.

Но лишь *къ одру пришелъ* съ дарами онъ
Какъ смерти *гласъ*, ея протяжный стонъ
Я кровь младенцевъ *похищала*

Изъ тьмы *ужаснымъ* мертвецомъ
Но вдругъ, *сразивъ* воображенье,
И я *забылъ* свою ошибку
Свободный начали дышать.

24 іюля.

Баллада и т. д.

На кровлѣ воронъ дико прокричалъ:
Старушка слышитъ и блѣднѣетъ.
Понятно ей, что воронъ тотъ сказалъ;
Слегла въ постель, дрожитъ, хладѣетъ.

Но лишь *пришелъ къ одру* съ дарами онъ
Какъ смерти *крикъ*, ея протяжный стонъ
Я кровь младенцевъ *проливала*

1) Эта баллада напечатана впервые въ 1831 году; въ 5-мъ изданіи она отнесена къ 1814 году, что вполнѣ соотвѣтствуетъ составленному самимъ Жуковскимъ перечню сочиненій, написанныхъ въ 1814 г. (Публ. Библ. Бум. Жук. № 77, л. 25). Подъ заглавіемъ «Старушка» она находится въ рукописяхъ Публичной Библіотеки № 15, л. 20 и № 36, л. 1. Въ обѣихъ рукописяхъ почеркъ не Жуковскаго, но послѣдняя исправлена имъ. Редакція 9 изданія совпадаетъ съ исправленнымъ текстомъ. Такъ какъ всѣ стихотворенія, находящіяся въ этой тетради, относятся къ 1831 г., то, очевидно, баллада была исправлена Жуковскимъ для изданія 1831 г. Въ рукописи гр. Бобринскаго текстъ этой баллады совпадаетъ съ неисправленнымъ текстомъ рукописи Публ. Библ., слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ первоначальную редакцію.

И кости мертвыхъ *отрывала*
Во храмъ внесенъ, *у алтаря* прибитъ
Изъ воска *бѣлаго* горѣли
Чтобъ крѣпокъ былъ *затворъ* церковныхъ вратъ
Съ обрядомъ *симъ* молится три дня
И тихій гробъ, и *черный* рядъ поповъ
И заперлись *растворы* тяжкихъ вратъ
По совершеніи моленья
Ужасный вой, ужасный *громъ* и трескъ
И снова *стукъ, и ревъ*, и трескъ у вратъ
И дымъ отъ свѣчъ *туманный* побѣжалъ
Пѣтухъ запѣлъ... и прочь враги бѣгутъ
И стихло все.., дьячки смѣлый поютъ
Чуть виденъ гробъ *въ туманѣ* черный
Часъ отъ часу *сильнѣе стукъ* у вратъ
Главы поднять не смѣетъ въ страхѣ

Строфы 39 и 40 въ обратномъ порядкѣ, сравнительно съ изданіемъ.

И *Онъ* предсталъ весь въ пламени очамъ
Ужасный, мрачный, разъяренной,
И вкругъ него огромный Божій храмъ
Казался печью раскаленной.

И кости мертвыхъ *похищала*
Во храмъ внесенъ, *предъ алтаремъ* прибитъ
Изъ воска *яраго* горѣли
Чтобъ крѣпокъ былъ *запоръ* церковныхъ вратъ
Съ обрядомъ *тѣмъ* молится три дня
И тихій гробъ, и *длинный* рядъ поповъ
И заперлись *затворы* тяжкихъ вратъ
Передъ начатіемъ моленья
Ужасный вой, ужасный *шумъ* и трескъ
И снова *ревъ, и шумъ*, и трескъ у вратъ
И дымъ отъ свѣчъ *туманныхъ* побѣжалъ
Запѣлъ пѣтухъ... и прочь враги бѣгутъ
Смѣлый дьячки на крылосахъ поютъ
Чуть виденъ гробъ *во мракѣ* черный
Часъ отъ часу *страшнѣе громъ* у вратъ
Поднять глаза не смѣетъ въ страхѣ
И *Онъ* предсталъ весь въ пламени очамъ
Свирѣпый, мрачный, разъяренной;
Но не дерзнулъ войти онъ въ Божій храмъ,
И ждалъ предъ дверью раскаленной.

Едва сказалъ: исчезните! цѣпямъ—
Онѣ разсыпались золою!
Едва рукой коснулся обручамъ
Они истлѣли подъ рукою.

Подобнаго *сему* стенанью
И ко вратамъ пошла она съ врагомъ:
Тамъ зрѣлся конь чернѣе ночи
Храпитъ и ржетъ, и пышетъ онъ огнемъ
И какъ пожаръ *пылаютъ* очи.

И на коня *добычу взбросилъ* врагъ
И сѣлъ впередъ; и быстротечно.

«Минувшихъ дней очарованье»...

И зримо ей *минуту* стало.

Сказка о красномъ карбункулѣ.

Сядь, разскажи намъ, какъ помнишь, когда Маргарета
Чуть не заснула. *Стѣснясь* Маргарета, Луиза и Лотта
Съ донцемъ и пряжей подсѣли къ огню и примолкли
Кровелькой трубку *накрылъ* и сказалъ: послушайте, дѣти

И съ громомъ гробъ отторгся отъ цѣпей,
Ничьей не тронутый рукою,
И вмигъ на немъ не стало обручей...
Они разсыпались золою.
Подобнаго *тому* стенанью,
Шатаясь пошла она къ дверямъ:
Огромный конь чернѣе ночи,
Дыша огнемъ, храпѣлъ и прыгалъ тамъ,
И какъ пожаръ *пылали* очи.
И на коня *съ добычей прянулъ* врагъ,
И трупъ завылъ, и быстротечно.

Минувшихъ дней очарованье...

И зримо ей *въ минуту* стало.

Красный карбункулъ (сказка изъ Гебеля).

Сядь, разскажи намъ, какъ помнишь, когда *сестра* Маргарита
Чуть не заснула. *Вотъ* Маргарита, Луиза и Лотта
Съ донцами, съ пряжей проворно подсѣли къ огню и примолкли.
Кровелькой трубку *закрылъ* и сказалъ: послушайте, дѣти

Ты не уйдешь отъ меня, *шепнулъ*, покосившись, зеленый
Вѣрно рекрутскій наборщикъ? *сказала* хозяйка, подслушавъ
Нѣтъ, друзья, не къ нему: къ отцу, къ матери—имъ *захотѣлось*
Плачь и крушися, какъ хочешь; хоть съ горя умри, не *пособишь*
Если жъ нужда случится во мнѣ, крикни лишь: Бука
Мина сидитъ надъ *изодранной* Библіей въ тяжкой *кручинѣ*
Мина, зачѣмъ ты, зачѣмъ *пробуждалась! Сколько бъ кручины*,
Сколько бъ *тоски неизбѣжной* тебя миновало на свѣтѣ
Вальтеръ сидитъ за столомъ и *мышаетъ* крапленыя карты
Проданы всѣ съ молотка, *а* жена пропадаетъ отъ горя.
Дома только и дѣла, что крикъ, да упреки, да слезы
Вывелъ опять изъ тюрьмы. *Завернемъ* по дорогѣ, сказалъ онъ
Какъ тебя *встрѣтятъ?* ты голоденъ, холоденъ, худъ и оборванъ
Права пословица: счастливъ *игрой*, *да* несчастливъ женою
Только? тотъ *отвѣчалъ*. Чегожъ испугался, безмозглый
Въ сердце къ нему заронилось *тяжкое* слово; а Бука
Всталъ онъ, ни слова не молвилъ, *и съ Букою въ темное поле*

Ты не уйдешь отъ меня, *проворчалъ*, покосившись, зеленый
Вѣрно рекрутскій наборщикъ? *шепнула* хозяйка, подслушавъ
Нѣтъ, друзья, не къ нему: къ отцу, къ матери—имъ *въ упожденье*
Плачь и крушися, какъ хочешь; хоть съ горя умри, не *поможешь*
Если жъ нужда случится во мнѣ, *ты* крикни лишь: Бука
Мина сидитъ надъ *разодранной* Библіей въ тяжкой *печали*
Бѣдная Мина, зачѣмъ ты, зачѣмъ *ты въ себя приходила?*
Сколько бъ *кручины жестокой* тебя миновало на свѣтѣ.
Вальтеръ сидитъ за столомъ и *тасуетъ* крапленыя карты
Проданы всѣ съ молотка, *и* жена пропадаетъ отъ горя,
Дома *же* только и дѣла, что крикъ, да упреки, да слезы
Вывелъ опять изъ тюрьмы. *Не зайти-ль* по дорогѣ, сказалъ онъ
Какъ тебя *примутъ?* ты голоденъ, холоденъ, худъ и оборванъ
Права пословица: счастливъ *игрою*, несчастливъ женою
Только? тотъ *возразилъ*. Чего жъ испугался, безмозглый
Въ сердце къ нему заронилось *тяжелое* слово; а Бука
Всталъ онъ, ни слова не молвилъ, *и въ поле темное съ Букой*

Такъ разсказывалъ дѣдушка *дѣткамъ*. Чуть смѣя дыханье
Дѣвки боятся; на что ихъ *пугать* небывальщиной — полно!

Посланіе къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ [1]).

Знать исключительно желаетъ *слыть* она
Совсѣмъ не *примѣчаетъ*
Туманнымъ сумракомъ наполненныхъ лѣсовъ
Великолѣпнаго съ лазури *нисхожденья*
Вечернимъ пламенемъ сіяетъ въ вышинѣ
И вмѣстѣ съ пламенемъ *вечернимъ* угасаетъ
И сѣть багряная *на* мракѣ липъ сіяетъ
И пламень *вечера*, сквозь чащу ихъ *прокравшись*
То одинокій *дубъ* съ холма черезъ рѣку
И *вѣтеръ* флагомъ шевелитъ
Тамъ *тише* волны плещутъ
И *трепетные* блещутъ
Ей слышится полетъ
Невидимыхъ прелестныхъ [2])

Такъ разсказывалъ дѣдушка *внучкамъ*. Чуть смѣя дыханье
Дѣвки боятся; на что ихъ *стращать* небывальщиной—полно!

Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ первый отчетъ о лунѣ, въ іюнѣ 1819 года.

Знать исключительно желаетъ *быть* она
Совсѣмъ не *замѣчаетъ*
Прозрачнымъ сумракомъ наполненныхъ лѣсовъ
Великолѣпнаго съ лазури *снисхожденья*
Заката пламенемъ сіяетъ въ вышинѣ
И вмѣстѣ съ пламенемъ *заката* угасаетъ
И сѣть багряная *во* мракѣ липъ сіяетъ
И пламень *запада*, сквозь чащу ихъ *прорвавшись*
То одинокій *вязъ* съ холма черезъ рѣку
И *воздухъ* флагомъ шевелитъ
Тамъ *тихо* волны плещутъ
И *трепетные* блещутъ
Ей слышится полетъ
Недвижимыхъ прелестныхъ

1) Очень неразборчивый черновикъ тамъ же № 29, об. л. 8.

2) Конечно, «полетъ невидимыхъ», а не «*полетъ недвижимыхъ*», какъ печаталось въ изданіяхъ.

Изъ *донесенія* въ поэму превратился
Сколь онъ приманчивъ красотою
Мелькаетъ съ *сѣтью* рыбака
Всходящій *благостію* ясной
Для *унывающихъ* усладой [1])
И вѣчно *мирный*, вѣчно ясной
Подмѣтилъ мелькомъ я луну за облаками
И смѣю *утверждать*, что сдѣлалась она
По старому кругомъ ея носились
То волновался, то *рдѣлъ*, то дымился
На крѣпости *ударилъ* часъ
Чудяся *странному* видѣнью
Она, разрывъ его, открыла
Одно я знаю: въ немъ преданье
Еще жъ упоминаютъ въ немъ

20 іюля. Павловскъ.

Посланіе къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. 29 іюля.

Упрямство вижу *здѣсь* одно
А, солнцу лиру посвятивъ
И знойнымъ днемъ *раскалена*

Изъ *описанія* въ поэму превратился
Какъ онъ приманчивъ красотою
Мелькаетъ съ *тѣнью* рыбака
Всходящій *прелестію* ясной
Для *уповающихъ* усладой
И вѣчно *тихій*, вѣчно ясной
Замѣтилъ мелькомъ я луну за облаками
И смѣю *утвердить*, что сдѣлалась она
И что по старому кругомъ ея носились
То волновался, то *рдѣлись*, то дымились
На крѣпости *пробило* часъ
Чудяся *страшному* видѣнью
Его разрывъ, она открыла
Однако знаю, въ немъ преданье
Еще упоминаютъ въ немъ

20 іюля.

Напечатано безъ заглавія въ примѣчаніяхъ ко II тому, с. 551.

Упрямство вижу *лишь* одно
И солнцу лиру посвятивъ
И знойнымъ днемъ *распалена*

1) Ср. съ слѣдующимъ стихомъ: «для *сирыхъ* — вѣрною отрадой».

Во мглѣ *багряной* исчезаетъ
Застѣнчивой *иль непокорной*
Въ лунѣ *послушной* стихотворной
Онъ съ *тихой* кротостью сравнилъ
Ихъ *благотворное* вліянье
Какъ *по* лазурной вышинѣ
Луна свой *легкій* полусвѣтъ.

Стихотвореніе «Къ портрету великой княгини Александры Ѳеодоровны» читается такъ же, какъ въ рукописи, принадлежащей П. И. Бартеневу (примѣчанія ко II т. 9 изд. сочиненій Жуковскаго, стр. 545).

Путешественникъ и поселянка [1]).

Которымъ жажду утоляешь
Которымъ жажду утоляю
Въ которомъ *пью.*
Сосудъ напиться изъ ручья
Твой *станъ* божественно прекрасный
Они лежатъ и вѣтеръ
Ты лучшаго созданья *твоего*

Во мглѣ *туманной* исчезаетъ
Застѣнчивой *или упорной*
Въ лунѣ *прекрасной* стихотворной
Онъ съ *милой* кротостью сравнилъ
Ихъ *животворное* вліянье
Какъ *на* лазурной вышинѣ
Луна свой *робкій* полусвѣтъ.

Путешественникъ и поселянка.

Въ которомъ жажду утоляешь
Въ которомъ жажду утоляю
Въ которомъ *воду мы беремъ*
Кувшинъ напиться изъ ручья
Твой *ликъ* божественно прекрасный
Въ печальный мохъ одѣвъ главы священны (этого стиха въ рукописи нѣтъ).
Лежатъ они и вѣтеръ
Ты лучшаго созданья *своего*

1) Довольно неразборчивый черновикъ тамъ же № 29, л. 32.

А я *сосудъ* водой наполню
Земные дни вкушаетъ
И *пышно* зеленѣетъ
Изъ *кирпича* и каменныхъ обломковъ
Наслѣдствомъ *хижинки* пріютной
И ты, среди великихъ.

Близость весны [1]).

Сквозь тонкій паръ луна
Таинственно сіяетъ.

Цепксъ и Гальціона [2])

Я твое сердце? *Или* не стало въ немъ прежней любови
Буйству границъ; и земля и моря имъ *подвластны;* сгоняютъ
Но, постоянный въ желаньи, онъ ввѣрить *свою Гальціону*
Тихо пошла Гальціона, пала на одръ одинокій
Берегъ повсюду равно *удаленъ*, повсюду невидимъ
Сами гребцы на работу *спѣшатъ;* одинъ убираетъ
Вѣтры, слетаяся, бьются, и море, *вздуваяся*, воетъ
Мчится трахинское *судно легкимъ* игралищемъ бури

А *я кувшинъ* водой наполню
Земную жизнь вкушаетъ
И *живо* зеленѣетъ
Изъ *кирпичей* и каменныхъ обломковъ
Наслѣдствомъ *хижины*—пріютной
А ты, среди великихъ.

Близость весны.

Таинственно луна
Сквозь тонкій паръ сіяетъ.

Цепксъ и Гальціона.

Я твое сердце? *Ужели* не стало въ немъ прежней любови
Буйству границъ; и земля и моря имъ *покорны*; сгоняютъ
Но, постоянный въ желаньи, онъ ввѣрить *своей Гальціоны*
Тихо пошла Гальціона *и* пала на одръ одинокій
Берегъ повсюду равно *отдаленъ*, повсюду невидимъ
Сами гребцы на работу *бьютъ*; одинъ убираетъ
Вѣтры, слетаяся, бьются, и море, *вздымаяся*, воетъ
Мчится трахинское *легкое судно* игралищемъ бури

1) Въ изданіяхъ неправильно отнесена къ 1822 г.
2) Ср. черновикъ тамъ же № 29, л. 39.

Вдругъ съ волной упадетъ, и — *кругомъ взгроможденное море* —
Бѣшенъ встаетъ на дыбы, и грудью *бросается* въ копья
Такъ яримая вѣтромъ волна, *кидаясь* на мачты
Взмокнули всѣ паруса; смѣшались съ водами пучины
Въ помощь отца *и* въ помощь Эола, водой *поглощаемъ*
Къ богу сему полети отъ меня повелѣть, чтобъ немедля
Есть *не вдали* киммеріянъ пустая гора съ каменистой
Съ *тысячью* травъ: изъ нихъ усыпительный сокъ выжимая
Богъ, разметавшись на ложѣ, нѣжитъ разслабленны члены
Миръ души, *удалитель* заботъ, усталаго сердца
Въ городъ Ирикловъ Трахины *въ ликѣ* царя полетѣла,
Вѣрнымъ видѣньемъ погибель супруга явить Гальціонѣ
Все выражаетъ: *поступь, движенья тѣла* и голосъ
Даже *отцовы* одеждъ и каждому свойственны рѣчи
Но способенъ онъ *только брать* человѣческій образъ
Чудятся ночью; *а тѣ* народъ и гражданъ *облетаютъ*
Голову *тихо* склонилъ и въ мягкій пухъ погрузился
Онъ *подходитъ* къ одру Гальціоны; струею лилася

Вдругъ съ волной упадаетъ и, *кругомъ взгроможденному морю*,
Бѣшенъ встаетъ на дыбы, и грудью *кидается* въ копья:
Такъ яримая вѣтромъ волна, *бросаясь* на мачты
Взмокли всѣ паруса; смѣшались съ водами пучины
Въ помощь отца, въ помощь Эола, водою *душимый*
Къ этому богу лети отъ меня повелѣть, чтобъ немедля
Есть *въ сторонѣ* киммеріянъ пустая гора съ каменистой
Съ *множествомъ* травъ: изъ нихъ усыпительный сокъ выжимая
Богъ, разметавшись на ложѣ, *тамъ* нѣжитъ разслабленны члены
Миръ души, *усладитель* заботъ, усталаго сердца
Въ городъ Ирикловъ Трахины *подъ видомъ* царя полетѣла,
Тамъ сновидѣньемъ погибель супруга явить Гальціонѣ
Снова лазурью по радугѣ свѣтлой она полетѣла (этого стиха въ рукописи нѣтъ).

Все выражаетъ: *и поступь, и тѣлодвиженья* и голосъ,
Даже *всѣ виды* одеждъ и каждому свойственны рѣчи;
Но способенъ онъ *брать лишь одинъ* человѣческій образъ
Чудятся ночью; *другіе* жъ народъ и гражданъ *посѣщаютъ*
Голову *томно* склонилъ и въ мягкій пухъ погрузился
Онъ *подошелъ* къ одру Гальціоны; струею лилася

Правда, почудилось мнѣ, что *на* миломъ лицѣ выража-
лось
Вотъ то мѣсто... (и *мутные взоры призрака* искали)
Къ смерти навстрѣчу *летѣлъ* ты... почто жъ Гальціону
Я не утратила: смерть *настигла* бы насъ неразлучныхъ
Нынѣ жъ *отсутственна* гибну твоею погибелью; море
Бѣдный супругъ мой; все раздѣлимъ; пускай насъ *во*
гробъ
Если не урна одна, то надпись одна сочетаетъ
Было утро; она повлеклася на *берегъ моря*
Прошлое думою, взоръ *печальный* она устремляла
Что-то, словно какъ трупъ... но что? для *взора* неясно.
Кто бы ни былъ погибшій, но *въ морѣ* погибъ онъ; и
горько
Горе, бѣдный, тебѣ! и горе *твоей* овдовѣвшей
Вѣтры смиряетъ, пловца бережетъ, и *волны* спокойны.

Три путника.

Въ свой край *воротяся* изъ дальней земли
Въ *свѣтелкѣ* свѣча предъ иконой горитъ;
Въ *свѣтелкѣ* красавица въ гробѣ лежитъ
И горько заплакалъ, и взоръ *отвратилъ*.

Правда, почудилось мнѣ, что *въ* миломъ лицѣ выражалось
Вотъ то мѣсто... (и *мутно глаза привидѣнья* искали)
Къ смерти навстрѣчу *спѣшилъ* ты... почтожъ Гальціону
Я не утратила: смерть *постигла* бы насъ неразлучныхъ
Нынѣ жъ, *въ отсутствіи*, гибну твоею погибелью; море
Бѣдный супругъ мой; все раздѣлимъ; пускай насъ *въ могилѣ*
Если не урна одна, то *хоть* надпись одна сочетаетъ
Было утро; она повлеклася на *тихое взморье*
Прошлое думою, взоръ *помраченный* она устремляла
Что-то, какъ трупъ, но что? для *печальнаго взора* неясно.
Кто бы ни былъ погибшій, но *бурей* погибъ онъ; и горько
Горе, бѣдный, тебѣ! и горе *женѣ* овдовѣвшей
Вѣтры смиряетъ, пловца бережетъ, и *воды* спокойны.

Три путника.

Въ свой край *возвратяся* изъ дальней земли
Въ *свѣтлицѣ* свѣча предъ иконой горитъ;
Въ *свѣтлицѣ* красавица въ гробѣ лежитъ
И горько заплакалъ, и взоръ *опустилъ*.

Гаральдъ.

Отбиты *въ дракѣ* знамена
(4 строфа). Что сладко такъ приманчивъ гласъ?
Что душу всю мутитъ?
Что прижимается и льнетъ
Къ бойцамъ подъ твердый щитъ?

Три пѣсни.

Первые два стиха въ обратномъ порядкѣ сравнительно съ изданіемъ.

Пѣсня бѣдняка.

Сады веселыхъ богачей
И нивы ихъ кругомъ.

Узникъ [1]).

Цвѣла я
Но тщетно съ ней онъ *раздѣленъ*
Все видитъ онъ; во *мглѣ* она
Огонь *младыхъ ея* ланитъ
Тобою въ *сладостной* веснѣ
Когда же сердце *милый* взоръ
Погибшаго не *воротитъ*
Въ мечтанье думой погруженъ
Онъ таялъ, гаснулъ и *погасъ*.

Гаральдъ.

Отбиты *вражьи* знамена
Этой строфы нѣтъ.

Пѣсня бѣдняка.

Я вижу замки богачей
И ихъ сады кругомъ.

Узникъ.

Жила я
И тщетно съ ней онъ *разлученъ*
Все видитъ онъ; во *тьмѣ* она
Огонь *ея младыхъ* ланитъ
Тобою въ *пламенной* веснѣ
Когда же сердце *ясный* взоръ
Погибшаго не *возвратитъ*
Душой въ мечтанье погруженъ
Онъ таялъ, гаснулъ и *угасъ*.

1) Въ 5 изданіи Жуковскій отнесъ это стихотвореніе къ 1816 году, подъ которымъ оно напечатано и въ послѣдующихъ изданіяхъ, но черновики его относятся къ 1819 году (тамъ же № 29, об. л. 33).

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Явленіе 1.

Дюнуа. *Съ монархіей состарѣвшіе*, дѣлятъ
Въ *бездѣйственномъ покоѣ* расточали

Явленіе 2.

Король. Нашъ конетабль прислалъ *ко мнѣ свой мечъ.*
Дюнуа. Но въ пору онъ узналъ *сію науку*
Король. *При немъ царей безплодный* жезлъ цвѣтетъ
Изъ легкихъ *онъ желаній* зиждетъ тронъ
Дю-Шатель. О государь, *доселѣ* я щадилъ
Король. Который онъ *даетъ своей душѣ*
Призвать назадъ *старинны времена*
Лѣта любви, когда любовь вздымала
Гдѣ *рыцари на судъ сбираться* будутъ
Дюнуа. *Случалось* мнѣ читать, что *неразлучна*
Была любовь и рыцарская доблесть
Не пастухи, слыхалъ я *отъ отцовъ*

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Явленіе 1.

Дюнуа. *Старинныя жилища чести*, дѣлятъ
Въ *бездѣйствіи покоя* расточали

Явленіе 2.

Король. Нашъ конетабль прислалъ *мнѣ мечъ свой; онъ...*
Дюнуа. Но въ пору онъ узналъ *сіе искусство*
Король. *Для насъ при немъ нашъ мертвый* жезлъ цвѣтетъ
Изъ легкихъ *сновъ себѣ онъ* зиждетъ тронъ
Дю-Шатель. О государь, *до сихъ поръ* я щадилъ
Король. Который онъ *душѣ своей готовитъ*
Призвать назадъ *то время старины,*
Тѣ дни любви, когда любовь вздымала
Гдѣ *рыцарей дѣла судимы* будутъ
Дюнуа. *Случилось* мнѣ читать, что *неразлучны*
Любовь и рыцарская доблесть были
Не пастухи, слыхалъ *я, а герои.*

Явленіе 3.

Чиновникъ. Часъ отъ часу *грознѣй и ближе;* сбиты
Въ *сей крайности* высокій Рошепьеръ
Когда къ нему *въ сей срокъ не будетъ* войска
Мы къ тебѣ
Подъ непріятельской пришли защитой
Дюнуа. *О стыдъ! Но* какъ Сантраль могъ согласиться
На *договоръ столь гнусный?*

Чиновникъ. *Государь,*

Явленіе 4.

Король. Я бѣденъ? *Я красою женъ владѣю!*
Дюнуа. И *черпаетъ изъ бочки Данаидъ.*
Агнеса. *Жизнь отдавалъ стократъ онъ за тебя*
Преобрати свой дворъ *во станъ военный*
Свою *нужду,* когда король примѣромъ
Король. И такъ, должно *предсказанное* сбыться
Въ пророческомъ жару мнѣ *предвѣщала*
Дюнуа. Сейчасъ *съ коня сошелъ онъ* у крыльца.

Явленіе 3.

Чиновникъ. Часъ-отъ-часу *неизбѣжимѣй;* сбиты
Въ *такой бѣдѣ* высокій Рошепьеръ
Когда къ нему *не подоспѣетъ* войска
Непріятель
Насъ пропустилъ, и мы пришли тебя
Дюнуа. *Возможно-ль?...* Какъ Сантраль могъ согласиться
На *гнусный этотъ договоръ?*

Чиновникъ. *О, нѣтъ!*

Явленіе 4.

Король. Я бѣденъ? *Нѣтъ... Взгляните на нее;*
Дюнуа. И *бочку Данаидъ наполнить мыслитъ*
Агнеса. *Онъ жертвовалъ тебѣ стократно жизнью*
Преобрати свой дворъ *въ военный станъ*
Свою *бѣду,* когда король примѣромъ
Король. Итакъ, должно *обѣщанное* сбыться
Въ пророческомъ жару мнѣ *предсказала*
Дюнуа. Сейчасъ *сошелъ съ коня онъ* у крыльца.

Явленіе 5.

Ла-Гиръ. Что *рыцаремъ убитъ его отецъ*
Король. Когда *же сей* постыдный договоръ
Дюнуа. Безумное властительство *гражданъ!*
Ла-Гиръ. *Вездѣ я зрѣлъ торжественны врата*
Я видѣлъ самъ, какъ Гарри Ланкастеръ
Какъ нашъ *Бургундъ, упавши на колѣна*
Дюнуа. Какъ? не проливъ *единой капли крови*
Ты думаешь ничтожнымъ словомъ вырвать
Агнеса. Есть *избранный* цѣлитель тяжкихъ ранъ
Король. Счастливить *я могу* народъ спокойный
Агнеса. Она всегда *живетъ, не измѣняясь*
Король. За мой вѣнецъ. Но вызовъ мой *отринутъ*
Иль матери *чудовищной подобясь,*
Свое дитя на жертву самъ я брошу?
Нѣтъ! Нѣтъ! спаси его моя погибель.
Дюнуа. Во времена *междоусобной брани*
Итакъ, *отринь* изнѣженную жалость
Пусть догоритъ зажженная война
Геройство—ты жъ *не мужески* рожденъ

Явленіе 5.

Ла-Гиръ. Что *дю-Шатель убилъ его отца*
Король. Когда *жъ такой* постыдный договоръ,
Дюнуа. Безумное властительство *толпы?*
Ла-Гиръ. *Я видѣлъ рядъ торжественныхъ воротъ*
Таясь въ толпѣ, я видѣлъ, какъ Ланкастеръ
Какъ нашъ *Филиппъ, бургундскій герцогъ, братъ твой*
Дюнуа. Какъ? не проливъ *ни капли крови, ты*
Осмѣлишься ничтожнымъ словомъ вырвать
Агнеса. Есть *истинный* цѣлитель тяжкихъ ранъ
Король. Счастливить *могъ бы я* народъ спокойный
Агнеса. Она всегда *жива и неизмѣнна*
Король. За мой вѣнецъ. Но вызовъ мой *отвергнутъ*
Иль матери *свирѣпой уподобясь,*
Своихъ дѣтей на жертву самъ я брошу?
Нѣтъ, лучше самъ погибну, ихъ спасая!
Дюнуа. Во времена *войны междоусобной*
Итакъ. *отбрось* изнѣженную жалость
Пускай война сама свой огнь потушитъ
Геройство—ты жъ *не мужемъ быть* рожденъ

Явленіе 6.

Король. *Ужели съ нимъ разстаться такъ несносно?*
Дю-Шатель. Склонись на миръ съ *Бургундцемъ*, государь
Король. Что жизнь твоя *за этотъ миръ заплата?*

Явленіе 7.

Король. Не унывай, моя Агнеса.
Есть Франція для насъ и за Луарой.
Мы тамъ найдемъ счастливѣйшій предѣлъ!
Тамъ небеса безоблачно спокойны,
Тамъ чище воздухъ, тамъ невинный нравы!
Прекрасный тамъ цвѣтетъ любовь и жизнь.
Агнеса. *Почто должна я страшный день сей видѣть!*

Явленіе 8.

Ла-Гиръ. Дано сраженіе; *ты побѣдилъ.*
Агнеса. *Небесная Гармонія! Побѣда!*
Король. *Я побѣдилъ? Не вѣрю я побѣдамъ.*
Агнеса. *Спокойствіе и примиренье!*

Явленіе 9.

Архіепископъ. Принцы!
Рауль. Выходитъ *дѣвица; на головѣ*

Явленіе 6.

Король. *Ужель разстаться съ нимъ такъ тяжело!*
Дю-Шатель. Склонись на миръ съ *Филиппомъ*, государь
Король. Что жизнь твоя *цѣною примиренья?*

Явленіе 7.

Король. Не унывай, моя Агнеса.
Есть Франція для насъ и за Луарой.
Стиховъ, слѣдующихъ въ рукописи за этимъ, въ изданіи нѣтъ.
Агнеса. *Какой должна я страшный встрѣтить день!*

Явленіе 8.

Ла-Гиръ. Дано сраженіе; *мы побѣдили.*
Словъ Агнесы: «Небесная Гармонія! Побѣда!» въ изданіи нѣтъ.
Король. *Мы побѣдили? Нѣтъ, то слухъ невѣрный*
Агнеса. *Согласіе и миръ!*

Явленіе 9.

Архіепископъ. *Графъ, государь,*
Рауль. Выходитъ *къ намъ дѣвица; яркій шлемъ*

Шеломъ; какъ божество, она идетъ,
Въ единый мигъ все войско *растолпилось*
И скоро здѣсь *сама она* явится

Явленіе 10.

Архіепископъ. Въ какомъ краю *ты родилась? и кто*
Іоанна. *Чтобы втъснить* на тронъ нашъ пноземца
Возьми *сіе* святое знамя, мечъ
Сей опоясшь и имъ неустрашимо
На подвигъ *сей погибельный* дерзать
Какъ ты была я дѣвой непорочной
И мной Господь, Божественный рожденъ,
И я сама Божественною стала.
Къ *обителямъ* блаженства полетѣла
Дюнуа. *Ея глазамъ, невинности прекрасной*
Ея лица я вѣрю, а не чуду!
Іоанна. *Скорѣе вспять* Луара потечетъ
Дюнуа. *Мы бросимся за дивною* во слѣдъ
Король. Такъ, я тебѣ свое *вручаю* войско
Іоанна. Чудеснымъ сномъ *указанъ мнѣ сей мечъ*

Явленіе 11.

Іоанна. Теперь скажи: *какой вашъ договоръ?*

На головѣ; идетъ, какъ божество,
Въ единый мигъ все войско *разметалось*
И скоро здѣсь *она сама* явится

Явленіе 10.

Архіепископъ. Въ какомъ краю *родилась? Кто и гдѣ*
Іоанна. *Чтобъ посадить* на тронъ нашъ иноземца
Возьми *мое* святое знамя, мечъ
Мой опоясшь и имъ неустрашимо
На подвигъ *гибельный такой* дерзать
Словъ Іоанны: «Какъ ты... Божественною стала.» въ изданіи нѣтъ.
Къ *обители* блаженства полетѣла
Словъ Дюнуа: «Ея глазамъ... не чуду!» въ изданіи нѣтъ.
Іоанна. *Скорѣй назадъ* Луара потечетъ
Дюнуа. *За дивною мы бросимся* во слѣдъ
Король. Такъ, я тебѣ свое *вѣряю* войско
Іоанна. Чудеснымъ сномъ *мнѣ этотъ мечъ указанъ*

Явленіе 11.

Іоанна. Теперь скажи: *въ чемъ ваше предложенье?*

ДѢЙСТВІЕ II.

Явленіе 1.

Ліонель. Честь Англіи *упала* предъ тобой
Тальботъ. *Погибли!* адъ за Францію воюетъ

Явленіе 2.

Герцогъ. Тому знакомъ *языкъ безстыдной лжи*
Изабелла. Пока *не сталъ раздоръ неисцѣлимымъ*
Чѣмъ ближе врагъ—и будь онъ сынъ *родной*—

Явленіе 3.

Тальботъ. Чтобъ истребить мечту, *предъ коей бодрость*
Бездѣйственна и войско цѣпенѣетъ.
Ліонель. *Мнѣ уступи сей легкій поединокъ*
Хочу унесть въ виду всего ихъ войска

Явленіе 4.

Стражи (за сценой). *Къ ружью! Къ ружью!*
Іоанна. *Меня влекущій Духъ?* Лети стрѣла

ДѢЙСТВІЕ II.

Явленіе 1.

Ліонель. Честь Англіи *погибла* предъ тобой
Тляльботъ. *Пропали!* адъ за Францію воюетъ

Явленіе 2.

Герцогъ. Тому знакомъ *и лжи языкъ безстыдный*
Изабелла. Пока *раздоръ еще не разгорѣлся*
Чѣмъ ближе *къ сердцу* врагъ—и будь онъ сынъ—

Явленіе 3.

Тальботъ. Чтобъ истребить мечту, *передъ которой*
Все наше войско въ страхъ цѣпенѣетъ.
Ліонель. *Дай мнѣ, Тальботъ, съ ней выйти въ поединокъ*
Въ виду всего ихъ войска принесу

Явленіе 4.

Стражи (за сценой). *Къ оружію!*
Іоанна. *Мной властвующій духъ?* Лети стрѣла

Явленіе 5.

Тальботъ. Бѣгутъ; *врагу* отпора нѣтъ; весь лагерь
А все вокругъ меня въ *бреду* безумства
И *женщинъ-ль* — о вѣчный стыдъ — *исторгнуть*

Явленіе 6.

Монгомери. Куда бѣжать?.. Кругомъ враги, *повсюду смерть*!
Погибельный, она свирѣпствуетъ... И нѣтъ
Зачѣмъ переплывалъ я море? *Бѣдный я!*

Явленіе 7.

Іоанна. Или *птенцовъ* младыхъ у львицы истребилъ
Монгомери. И, зримая вблизи, *ты болѣ* не страшна
Передъ коимъ все смиряется, молю: смягчися!
На родинѣ младая ждетъ меня невѣста,
Прекрасная, какъ ты, *во цвѣтѣ милой* жизни.
Іоанна. Несчастный! *ты-жъ* родителей напомнилъ мнѣ
Поймутъ, что значитъ скорбь по *милымъ невозвратнымъ*
За кою вы въ безуміи переступили
Умри, другъ... И *почто* такъ робко трепетать
Монгомери. А ты, призвавъ *къ себѣ* на помощь весь твой адъ

Явленіе 5.

Тальботъ. Бѣгутъ; отпора нѣтъ; весь лагерь
А все вокругъ меня въ *чаду* безумства
И *женщина-ль*—о вѣчный стыдъ—*исторгнетъ*

Явленіе 6.

Монгомери. Куда бѣжать?.. Кругомъ враги, *вездѣ погибель*
Губительный, она свирѣпствуетъ... И нѣтъ
Зачѣмъ переплывалъ я море? *Бѣдный! бѣдный!*

Явленіе 7.

Іоанна. Или *дѣтей* младыхъ у львицы истребилъ
Монгомери. И, зримая вблизи, *уже ты* не страшна
Передъ которымъ все смиряется, молю:
Смягчись! на родинѣ меня невѣста ждетъ,
Прекрасная, какъ ты, *въ прекрасномъ цвѣтѣ* жизни
Іоанна. Несчастный! *ты* родителей напомнилъ мнѣ
Поймутъ, что значитъ скорбь по *милыхъ невозвратныхъ*
Которую безумно вы переступили
Умри, другъ... И *зачѣмъ* такъ робко трепетать
Монгомери. А ты, призвавъ на помощь весь твой *страшный* адъ

Явленіе 8. Іоанна одна [1]).

Іоанна. Но только повелитъ *нужда*—готова сила;

Явленіе 9 [2]).

Рыцарь. Ты здѣсь отступница? Твой часъ *насталъ*
На плахѣ умереть—не *славно* пасть

Явленіе 10 [3]).

Герцогъ. Ни васъ, рабовъ *постыдныхъ* чародѣйства
Іоанна. Ни слова, Дюнуа... Ла-Гиръ, *ни съ мѣста*
Герцогъ. И *хитрый* духъ, вселившійся въ нее
Іоанна. *Святый* борьбы за родину? Давно-ли
Когда же то, что я *рекла, есть благо*
Кто могъ *его внушить* мнѣ, кромѣ неба? [4])

Пѣсня (Отымаетъ наши радости) [5]).

Холодна къ самимъ бѣдамъ

Къ А. Г. Хомутовой (въ отвѣтъ на ея стихи и посылая ей черную тафту, которую человѣкъ мой ей забылъ отнесть) [6]).

Вчера *любезною* рукою
Графини Бобринской *мнѣ* данъ

---

1) Относится къ явленію 7.

Іоанна. Но только повелитъ *мой долгъ*—готова сила;

2) Явленіе 8.

Рыцарь. Ты здѣсь отступница?... Твой часъ *ударилъ*
На плахѣ умереть—не *съ честью* пасть

3) Явленіе 9.

Герцогъ. Ни васъ, рабовъ *презрѣнныхъ* чародѣйства
Іоанна. Ни слова, Дюнуа... Ла-Гиръ, *умолкни*
Герцогъ. И *адскій* духъ, вселившійся въ нее
Іоанна. *Святой* борьбы за родину? Давно-ли
Когда же то, что я *сказала, свято*
Кто могъ *внушить его* мнѣ, кромѣ неба?

Пѣсня.

Охладѣвъ къ самимъ бѣдамъ

Письмо къ Аннѣ Григорьевнѣ Хомутовой.

Вчера *мнѣ милою* рукою
Графини Бобринской *былъ* данъ

4) Такимъ образомъ, къ концу 1819 или началу 1820 г. первыя 2 дѣйствія «Орлеанской дѣвы» были переведены вполнѣ.
5) Черновикъ тамъ же № 29, л. 43.
6) Черновикъ тамъ же № 29, об. л. 47.

Благодарю моимъ *чертямъ*
Его ни *на* какую славу
Еще жъ *скажу: вы сами* правы
За нимъ по кочкамъ, задыхаясь,
Мнѣ *подписала* мой дипломъ
Я бабочкой къ нему прильнулъ
И съ нимъ въ богининъ храмъ чудесный
Невидимо перепорхнулъ
Пускай *досадуетъ* Парнасъ
Я *въ совѣсти моей* спокоенъ
Здѣсь честь имѣю вамъ послать
Не думайте, *чтобъ* наша братья,
Пѣвцы, не *знали* исполнять
Чтобъ онъ съ *тафтою* къ вамъ *бѣжалъ*
Ужасное, *явилась* мнѣ
Нѣтъ, не забылъ; совсѣмъ *иное*

Къ Нарышкину [1]).

Дана *капризничать* свобода
Да я и тайну вамъ открою:
Вся сволочь Пинда *вслѣдъ* за мною

Благодарю моимъ *духамъ*
Его ни *за* какую славу
Еще жъ *прибавлю я: вы* правы
Къ нему по кочкамъ, задыхаясь,
Мнѣ *написала* мой дипломъ
Къ нему я бабочкой прильнулъ
И вслѣдъ за славою порхнулъ
Пускай *бранитъ меня* Парнасъ—
Я буду въ совѣсти спокоенъ
Я честь имѣю вамъ послать
Не думайте, *что* наша братья,
Пѣвцы, не *знаютъ* исполнять
Чтобъ онъ съ *тафтой* къ вамъ *побѣжалъ*
Ужасное, *предстала* мнѣ
Нѣтъ, не забылъ; совсѣмъ *другое*

Къ Нарышкину.

Дана *причудничать* свобода
Другую тайну вамъ открою:
Вся сволочь Пинда, *вся* за мною

1) Черновикъ тамъ же № 29 л. 48.

И на землѣ тепло *имъ* нужно,
Къ тому же *кромѣ сихъ* боговъ
Волшебницъ, *лѣшаевъ*, духовъ
(*Не позабывъ* про камелекъ)
Признаться, *вспомню* лишь о немъ

Объясненіе.

На взморьѣ *свѣжемъ* и спокойномъ
И я тому примѣромъ снова!
Я безъ хозяина считалъ
Мнѣ съ неба пасмурно сырова
И давъ ему для *риѳмы лиру*,
Спѣшу *для смысла* перейти

Къ княгинѣ А. Ю. Оболенской (И такъ еще намъ суждено) [1]).

Веселымъ гостемъ появлялась

Къ ней же (Княгиня, для чего отъ насъ) [2]).

Досужное воображенье
Давно его изображенье
Мнѣ сочинило наугадъ!

И на землѣ тепло *намъ* нужно.
Къ тому же *сверхъ моихъ* боговъ,
Волшебницъ, *лѣшихъ и* духовъ
(*И не забывъ* про камелекъ)
Признаться, *вспомнишь* лишь о немъ

Объясненіе.

На взморьѣ *свѣтломъ* и спокойномъ
И этому примѣромъ снова
Мнѣ съ неба пасмурно-сырова
И давъ ему для риѳмы *лиру*,
Спѣшу *скорѣе* перейти

Къ кн. Оболенской.

Веселой гостьей намъ являлась

Къ ней же.

Досужное воображенье
Мнѣ сочинило наугадъ.

1) Черновикъ тамъ же № 29, л. 51.
2) Черновикъ тамъ же № 29, об. л. 51.

Но что умчитъ стремленье лѣтъ
И въ обольстительныхъ лучахъ

«Товарищъ! вотъ тебѣ рука!»

За горизонтомъ *ветхій* кровъ
Неизъяснимымъ упованьемъ
Прискорбно-сладкимъ ожиданьемъ
Невыразимою *тоской*
Всей милой *горестью* своей
На первобытный *жизни* лугъ
Товарищъ грустный — молчаливость.

Остальныя стихотворенія рукописи не отступаютъ отъ текста 9 изданія.

Н. Кульманъ.

И что умчитъ стремленье лѣтъ
И въ обольстительныхъ лугахъ.

«Товарищъ! вотъ тебѣ рука!»

За горизонтомъ *отчій* кровъ
Прискорбно-радостнымъ желаньемъ,
Невыразимымъ упованьемъ,
Невыразимою *мечтой*
Всей милой *прелестью* своей
На первобытный *въ жизни* лугъ
Угрюмый спутникъ — молчаливость.

475669

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1900 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности. Императорской Академіи Наукъ, т. V. (1900 г.), 4-я. стран. 1075—1145.

типографія императорской академіи наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).